

18+

Олег Мартынов

Сегидилья

Олег Мартынов

Сегидилья

«Издательские решения»

Мартынов О.

Сегидилья / О. Мартынов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552947-3

Приключения космонавта продолжаются... Путешествие в прошлое единственная возможность для овдовевшего «отставника» вернуть любимую жену. Однако для осуществления подобного замысла необходимо выполнить ряд специфических условий, поставленных одиозным ученым. Убийство Джона Кеннеди, мрачный шабаш ведьм средневековой Испании, постройка Аркаима, наконец, скандальное рытье Черного моря — лишь малая толика в череде сменяющихся событий сюжета. Истый танец, как жизнь, а в бытие узрим божественную пляску... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-552947-3

© Мартынов О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сегидилья

Олег Мартынов

© Олег Мартынов, 2021

ISBN 978-5-0055-2947-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К вопросу о случайном совпадении имен, событий, мест и времени. Как нельзя лучше подходит высказывание советского и российского государственного деятеля Черномырдина Виктора Степановича: «Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего! Все это происки!». Добавлять больше к этой цитате нечего, просто нет слов, как точно передан посыл о неприемлемости предъявлении возможных обвинений автору, ищите следы в прошлом...

Пролог

Стеклянный, фотографический Глаз внимательно окинул обширные кряжи горных вершин средневековой Каталонии. С удовольствием зафиксировал момент восхода южного горячего Солнца, мигнул озорно пластиковым веком и зажужжав назойливой мухой, устремился вниз по склону зеленого холма. Распластанные маленькие треугольники крыльев уносили причудливый летающий объект прочь от отсыревшей за ночь плодородной земли и сползающего в овраг холодного тумана. Двухколейная дорога, петляя серпантином на спуске, углублялась крутыми поворотами в чащобы густого смешанного леса. На некоторых, особо опасных участках пути широкие стволы сосен и дубов вплотную приближались к самой кромке дорожки, выбитой копытами прямо в просеке, проходивших по ней многочисленных мулов. Маквис, поджидая неосторожных редких с утра путников, беззастенчиво жалил колючками, в силу своего небольшого роста, по различным интимным местам.

Избегая встречи с людьми в непривычной одежде, Глаз поднимался рывком вверх, скрываясь за верхушками деревьев. Подставлял на излете пористые черные бока композитного корпуса под ласковые лучи, готового раскалиться до бела светила. Осматривал мельком окрестности, сверяя выбранный маршрут движения с наземными ориентирами, намеченными ранее хозяином. Удовлетворенно переворачивался на спину, дескать да, каменный домик с пробитой черепицей на крыше совпадает с местоположением на карте и выбрав следующий поворотный пункт полета, коршуном сыпался вновь к дороге, прижимаясь к мокрой от росы поверхности колеи. Были бы установлены рецепторы, считывающие и передающие прелесть скользящего парения в слегка сладковатом от просыпающейся благоухающей ароматами природы воздухе, выдал может быть тогда исчерпывающую информацию поэтическим слогом. Присовокупив к полученным данным красоту духа времени рыцарства, благородство и ум правителей, бесспорно добавил бы и необсуждаемую в высшем обществе честь прекрасных дам, обитающих у подножия гордой горы Кольсакабра. К сожалению, конструкторы Глаза не предусмотрели таких замечательных опций, ему присущи только сухие цифры показателей температуры, атмосферного давления, направления ветра, скорости собственного перемещения, высоты нахождения над уровнем моря. Цветная картинка с хорошим разрешением в широкоугольном обзоре радовала испанскими видами обладателя сей диковинной машины. Ну и включаемый периодически звук, дающий примерное представление об окружающем глаз пространстве, наполнял утренным щебетаньем пташек, ушные раковины владельца.

Вот и великолепный город предстал перед летящим вдоль дороги механическим оком. Окруженная крепкими крепостными стенами, с башенками – близнецами по углам, охраняющими спокойствие и безмятежный сон жителей, цитадель, будто невидимой рукой великана вытягивалась ввысь шпилем церкви архангела Михаила. Когда-то давно, на месте городских построек плескалось озеро раскаленной лавы, извергаемой из жерла древнего вулкана. По мере остывания магмы, ремесленники мастерили улочки и фундамент, аккуратно выкладывали ступени, ведущие к центральной площади, формировали неповторимый облик будущего города ведем. Вход к экзотической архитектуре пролегал через единственный подвесной деревянный мост, где скучающего вида стражник, с напускной важностью, недовольно оглядывал повозки крестьян и оценивающе взвешивал на предмет платежеспособности торговцев лошадьми. Мзда взималась с регулярностью сжигания еретиков. Серебряные кроаты ходили по рукам, не успевая вобрать в себя тепло ладоней счастливого обладателя. От тружеников полей переходили к разного толка барыгам, от торгашей к охране, от стражи к виноделам. С годами порочный круг только расширялся.

Выполнив незамысловатый пируэт в воздухе, Глаз перемахнул бойницы внешней оборонительной стены и взял направление к стихийно возникшей большой группе людей. Обра-

зую полукруг, толпа радостно бурлила, громка смеялась, выкрикивая отдельные постыдные слова. Не решаясь сразу присоединиться к входящим в раж жителям и гостям города, Глаз нырнул под медленно плетущееся через ворота коровье стадо, проскользнул между задних ног замыкающего теленка и повторяя рельеф базарной улочки выскочил на пересечение еврейского и арабского кварталов. Мимо проплывали лавки нескладных скорняков, интеллигентных портных, шумных кузнецов, навязчивых менял. За углом приютились помещения поменьше, застыли в профессиональных позах брадобреи, ожидающих богатых клиентов, мясники, улыбочивые не по забрызганному кровью фартуку, сапожники на босу ногу, горшечники по локоть в глине, ювелиры, непременно иудейского племени рода. В конце бойкого тупика наперебой, ругаясь и угрожая вели торговлю рыбаки, которых сторонились даже животные, красильщики, составлявшие отвергнутую людьми по запаху компанию, да различные посредники, например, пара пожилых сводень, жестикуляцией показывающих перечень прелестей, недавно овдовевшей бесприданницы. Спотыкаясь от бега, одновременно плача и смеясь, неслась детвора, передавая по лавкам последние новости. Как по мановению, чьей-то могущественной руки, торговцы бросали на слуг свои важные дела и устремлялись к наполнявшейся народом площади. Жужжащий Глаз не интересовал ни одного горожанина, ну пчела, крупная, шершень или навозная муха, жук тот же, сколько их шныряет, почва то благодатная для размножения всякой живности. Лишь пронырливая дворняга, почуяв неладное, недружелюбно затыкала на летающего незнакомца, попрыгала, для приличия на месте и не сомневаясь в успехе бросилась в погоню за подозрительным предметом. Избавляясь от четвероногого преследователя, Глаз поднялся на метр выше живого людского потока, обогнул галдящую разношерстную толпу, и пройдя вдоль импровизированной сцены, созданную первыми рядами зевак, спрятался за бородатым бандуристом. Зависнув на уровне локтя, Глаз накручивал шариком механизма кругового обзора, выхватывая для снимка яркие портреты, детали одежды, планировку улиц. Меняя угол, раскадровку, перспективу, он неустанно отправлял хозяину мегабиты собранных данных о нраве и быте жителей средневекового города.

Завладел вниманием Глаза, например, эпизод, когда две хорошенькие девушки в развевающихся алых юбках исполняли задорный танец. Выделявая стройными ножками немислимые батманы, они иногда, специальным образом, невпопад замирали, корчили смешные рожицы, а затем снова, слаженно и синхронно отплясывали, взявшись за руки затейливые хореографические фигуры. В моменты неожиданных остановок публика взрывалась рукоплесканиями и гомерическим хохотом. Зрелище завораживало, это была самая настоящая Сегидилья, экспрессивная и безудержная, резкая и застывающая пантомимой. В пиковых случаях танца, мужчина в белой одежде, играющий на кастаньетах, поднимался с резной деревянной скамьи и не мешая танцовщицам, обходил благодарных зрителей. Снимал войлочную шляпу, помогите, кто чем может, странствующим музыкантам, а мы уж расстараясь, не оставим равнодушной собравшуюся публику. Глаз выплыл из-за плеча бандуриста, любуясь взятым быстрым темпом кружащихся по сцене девиц. Юбки послушно заходились в вихре импульсивного танца, касаясь оборками оголенных ножек партнерши. Ритмичный звук кастаньет внезапно выделился среди общего фона музыки. Мужчина в шляпе высоко задрал руки и акцентированно выбивая сильно синкопированный бой запел хриплым, грубоватым голосом:

Плачет мама Хуаниты
Хуаниты из Рупита
Не бывать дочурке милой
Королевскою женой

Отказал правитель старый
Под предлогом недостатка
У избранницы невесты

Стати, красоты, ума

И прослышав весть худую
Заревела Хуанита
Слезы бурною рекою
Оросили мамин плат

Улыбался только Педро
От желания сгорая
Он искусною рукою
Начертал портрет любимой и отправил королю

В гневе выкинул рисунок
Оскорбленный грязью светоч
Как надумали холопы, венценосному монарху
Сватать первую дурнушку, городскую срамоту?

Ныне плачет Хуанита
Вместе с мамой слезы льют
Все окрестности Рупита
Свадьбу празднуют, петарды жгут

Вновь любима Хуанита
Красотой дивя народ
Замуж вышла за бандита
Мужа Педрою зовут

Звонко притопнув каблуками, зачавствив кастаньетами, певец обернулся на одной ноге вокруг своей оси и с полупоклоном сделал почетный реверанс. Выкатившийся на середину сцены золотой динар привлек внимание заезжего ансамбля. Зрители застыли в ожидании унижительной процедуры поднятия целого состояния, месяц можно жить припеваючи. Мужчина снял шляпу, подошел ближе к толпе, выскывая того, кто соизволил так щедро отблагодарить музыкантов. Передал кастаньеты одной из танцовщиц, элегантно присел, положил перед собой головной убор и выпрямившись, прокрутил через спину сальто, с приземлением на вытянутые руки. Публика ахнула, ожидая дальнейшего представления. Певец же, не меняя положения, перебирая руками приблизился к динару, прицелился и языком отправил его в недра войлочной шляпы. Раздавшиеся аплодисменты заглушили рев продаваемых на рынке животных, как называется, зрители купали в овациях, требуя от труппы продолжать выступление.

Как же близко от меня, увидеть подобный танец и циркачество, еще тех, средневековых времен, шуточную песню и незабываемую игру бандуриста, определенное везение. Глаз выключил запись, передал одним файлом увиденную и услышанную в городе информацию на сервер основного носителя. Медленно сдвинулся от широкой спины музыканта, снизился к сапогам и башмакам толпы, пролетел мимо удивленной дворняжки и набрав недостижимую для человеческого зрения высоту устремился прочь от крепости. Человек, в серебристом облегающем костюме, спрятавшись за старым пнем дуба, не привлекая любопытных взоров путников, бредущих по дороге, небрежно захлопнул крышку плинбокса. Вроде никого поблизости, прогуляюсь по опушке леса, разомну косточки. Сделав несколько шагов, человек остановился, прислушиваясь, прикрыл ладонью глаза от ярких сполохов, набравшего силу Солнца и всмат-

риваясь в небесную гладь, поднял голову кверху. Он ожидал возвращения своего верного Глаза, разведывательного дрона путешественника во времени...

Глава 1

Релятивистски инвариантное уравнение Шредингера

– Мрачновато ты живешь, – Взмылин по-хозяйски прошел в комнату, с размаху плюхнулся в глубокое кожаное кресло, прижал к груди потасканный временем портфель и молча уставился на Саню.

Вылитый кот, усы осталось пририсовать и будет похож на Марсика, также смотрит исподлобья, не поймешь злится он или начнет жрать выпрашивать. Саня раздернул массивные черные портьеры, любясь открывшимся видам за окном.

– Ну, чем ноне потчуют дорогих гостей? – профессор был верен своим привычкам, любил хорошо покушать, доставляло ему истинное удовольствие объедать коллег, товарищей и друзей, – свет хоть включи, а то ложку мимо рта пронесу.

Профессор не изменился за прошедшие годы с момента последней встречи, та же бородка, соперничающая с лучшими экземплярами выставочных козлов, клетчатый пиджак вычурных расцветок и очки, толщиной с большой палец ноги.

– Курицу могу зажарить, с картошечкой, будешь? Картофан в этом году знатный уродился, надесь в огороде подкопал, свеженький, – Саня послушно включил настольную лампу, осветившую старинной работы секретер.

– Попробуем, коли угостишь. Может и яблочки имеются? Нафаршировать птицу, а потом и винишком полить для запаха, – мягко поставив на ковер портфель, Взмылин снял очки и тщательно протер их клетчатым носовым платком.

– Найду, не проблема, сад усыпан по колено, могу ведро белого налива подогнать, – открыв дверцу небольшого шкафчика в верхнем углу секретера, Саня выудил пузатую бутылку коньяка. Пятизвездочный напиток буро переливался таинственными красками, будто после долгого хранения, появившись на людях при дневном свете, в него вселилась некая могущественная живительная сила, – может, Иосиф, и настойки принести?

– Мечи свои разносолы на стол, разговор предстоит продолжительный. Сам гонишь?

– Конечно, использую твой давнишний подарок. Помнишь чудо-аппарат, торжественно врученный мне после посадки? – из нижнего теперь отдела письменного шкафа, Саня вынул на длинной ножке бокалы. Космонавт-испытатель, дважды орденосец, удостоенный этого высокого звания по ошибке впервые посмертно, представлял из себя среднего роста крепкого мужчину, с аккуратно остриженной коротко прической, пронзительным, умным взглядом, сочетающимся с некой колхозной простоватостью.

– Неужели работает? Приятно слышать, я же его из редкоземельных металлов варил, трубки, которые негодились в лаборатории пустил на производство этой шайтан-машины. Тем более нужно отведать наливочки то, даже спортивный интерес появился. Кто кого, наш доморощенный эликсир или плесневелый француз? – укрепив очки на переносице, Взмылин резко поднялся из кресла, глядя в окно с восхищением заметил, – неплохо Саня устроился, на тебе и лес сосновый, и сад яблочный, руку только протяни.

– Трудов пришлось немало приложить. Ты пока располагайся, будь как дома, пойду на кухню – поставлю блюдо в духовку, – не закрывая дверь в комнату, Саня спустился вниз по узкой винтовой лестнице на первый этаж просторного бревенчатого дома.

Интерьер кабинета был выдержан в строгих скромных тонах, старая, пожившая мебель несколько портила общее комфортное впечатление, навевала, что ли тоску; и тяжелые шторы давили на психику, рассадник пыли, выкинул бы их Саня, да повесил кружевные занавески на радость и веселье. Взмылин рассуждал о чистоте и гигиене прохаживаясь вдоль стены, увешанной фотографиями. На одной из них он узнал экипаж брата Никодима. Снимок был сделан

перед полетом на Марс, в полном составе, в космических скафандрах, ребята предстали ему улыбающимися, не ведающими еще, какие нечеловеческие испытания выпадут на их долю. Страна до сих пор не удосужилась рассказать правду об этой исторической экспедиции. Да и неизвестно, сподобится ли вообще, когда-либо рассекретить столь грандиозный фантастический проект. Ступеньки лестницы тонко скрипнули, Саня поднялся в комнату, неся в руках тарелки с нарезанными солеными огурчиками и толстыми шматами деревенского сала.

– Наливай радушный хозяин, а то уйду, – Взмылин уселся обратно в кресло, одновременно пододвинув его к столу.

– За мной не заржавеет, рассказывай Иосиф с чем пожаловал, ты просто так, на огонек, за десять лет не удосужился ни разу заглянуть, – наполнив бокалы коньяком, Саня припечатал здоровенный ломоть сала к тонкому, нарезанному по-ресторанному, кусочку хлеба и подал профессору, – угощайся, лучшего сочетания продуктов ты еще не пробовал.

– Как знать, студентом Саня и не такие чудеса кулинарии вытворяли. Сижу вот и думаю, с чего начать разговор. Давай выпьем, а то грустно становится, – Взмылин моментально опрокинул коньяк в рот, – большое желание сегодня нажраться в хлам, повтори еще пожалуйста.

– Не спеши, что стряслось-то, не заболел часом? – Саня наполнил бокал профессора до краев, – тост даже не выслушал.

– Твой любимый? – Взмылин снова одним глотком вылил в себя коньяк, – третью стопку поднимем молча, за погибших ребят, а потом можно и за Победу!

– Ну, будем. Схожу курочку проведаю, а то пахнет уже, как бы не пригорела, – недоуменно поглядывая на профессора, Саня удивлялся скорости поглощения им алкоголя.

– Хорошо, и чайничек поставь заодно, – Взмылил отделил сало от хлеба, свернул его в трубочку и решительно принялся работать челюстями.

Станный он какой-то, приехал почти без предупреждения, набросился на коньяк, не закусывает толком, о деле молчит. Неспроста профессор заявился, не зря пригнал, наверное, убалтывать будет на очередную авантюру. Курица, выложенная на противень, призывно сложила зажаренные крылышки на шкворчащей спинке, поджав под себя полные загорелые ножки. Саня оформил большую тарелку вареным картофелем, из холодильника извлек фигуристую баночку хреновины. Пусть отведают столичный гость моего горлодера, может тогда и повеселеет. Поднявшись наверх, в кабинет, Саня увидел, как Взмылин, расслабленно откинувшись в кресле задумчиво сложил у лба ладони домиком.

– Налетай, Иосиф Виссарионович, по-моему, жарка удалась, – раздвинув закуски в стороны, Саня поставил курицу поближе к профессору.

– Раз такое дело, разливай коньячок, да за настойку примемся, – ловко орудуя вилкой и ножом, Взмылин умело отделил хрустящие конечности от тела несущки-негритянки, – ты вот что мне скажи, друг любезный, если бы вдруг, вновь предложили отправиться в далекую экспедицию. Согласился бы или послал подальше? – вымазав неаккуратно рукав в салате, Взмылин оттяпал крепкими зубами полножки за раз, и не мигая уставился сквозь очки на Саню.

– Нет, конечно, с меня хватит, романтики и так полный зад. Налетался, до сих пор отрыжкой маюсь. Неужели готовится новый полет и куда, если не секрет?

– Понимаешь Саня, ответить прямо, без обиняков на твой вопрос затруднительно, – Взмылин поднялся из-за стола и неловко качнувшись побрел к окну, – лес замечательный, безусловно.

Опершись руками о подоконник, профессор наблюдал за встревоженно летающей толстой вороной. Она искусно дразнила суетливую белку, бездумно прыгающей по веткам. Подлетала почти вплотную, дождавшись, когда та агрессивно среагирует, удалялась на безопасное расстояние, каркала, будто ругаясь и снова повторяла свой опасный маневр.

– Например, что можешь сказать о путешествии во времени? – повернувшись лицом к Сане, Взмылин пьяно усмехнулся.

– Это же невозможно, сам нас учил, что такие перемещения выходят за рамки практической физики, – закусив сальцем, Саня подложил остывшей картошечки в тарелку профессора. Вот он куда клонит славный потомок священника или удар последует, как обычно, исподтишка. Продолжая украдкой следить за действиями Взмылина, Саня присел на край письменного стола.

– Ладно, а если допустим, что все-таки, каким-нибудь необыкновенно необъяснимым способом такое путешествие осуществимо? Где-нибудь, скажем, в частной лаборатории стоит готовая машина времени и разработана под нее теоретическая база? – профессор шагнул к столу и налил полные бокалы настойки, – есть Саня побольше стаканы?

– Выбирай любые, хоть тот литровый для пива, – на верхней полке секретера красовался ряд пивных кружек, Саня указал на предводителя солодовой гвардии, – слетать в будущее легче, чем в прошлое. Соорудил мегаракету и рванул к ближайшей черной дыре. Покуприл малехо на орбите у горизонта событий и раздавленный в блин тысячекратной перегрузкой возвращаешься на Землю. Просто и красиво, одноклассники шамкают беззубым ртом от старости, пытаются похвалить, а ты молодой радостно им укрываешь одеялом сухонькие тельца для согрева. С прошлым посложнее, работает эффект парадокса убитого дедушки, поэтому поползновения во времени на основе следствий теории относительности Эйнштейна можно смело отбросить, остается лишь квантовый метод. Твои же лекции, Иосиф, я прилежно учился и запоминал.

– Молодец Саня, сам и подошел к главному открытию века. Значит, когда поперли меня из учебно-космического центра, устроился в институт тяжелого машиностроения, проработал недолго, надоело бумажками заниматься, хлопнул громко дверью и решил посвятить настоящей науке остаток своей жизни. Девять лет, Саня, потратил на изыскания в различных областях теоретической физики, да чего уж греха таить, пришлось даже углубиться и в алхимию, старый дурак, решил отбросить колдовство бесповоротно, так сказать, отделить законы Ньютона от его же чародейских опытов. Любопытные выводы получились, все эти мосты Эйнштейна – Розена, цилиндры Ван Стокума, экзотическая материя С. Хокинга – одна большая научная лажа. Да-да, батенька, это оказалось полным дерьмом в свете моего величайшего достижения, – Взмылин яростно тряс обкусанной ножкой курицы, забрызгивая жиром скатерть, Саню и собственные очки. Проливал мимо стаканов яблочную настойку, цветной салфеткой размазывал по столу излишки терпкого напитка и не удовлетворившись наведенной чистотой вновь ошалело крутил обглоданной костью у виска, чихвостя Нобелевских лауреатов по физике и математике, собирая в кучу их заслуги, родственников и такую-то условно виноватую мать.

Бутылка давно отсвечивала порожним блеском. Саня, сопереживая нелегкой судьбе ученого мужа, не без оснований волновался о способности Взмылина выдержать такую мощную атаку алкоголем:

– Иосиф, ты бы закусывал почаще, вкусно же приготовил.

Вытерев очки носовым платком, предварительно скомкав, профессор машинально положил его на грязную тарелку, а куриное бедрышко, перепутав, в нагрудный карман пиджака:

– Я вот тебе о духовной пище пытаюсь втолковать, а ты мне рот все время затыкаешь курицей. Давай музыку включим? – пьяненький Взмылин осоловело осматривая кабинет неуверенно направился к громоздкому музыкальному центру, – ого, какая коллекция! До сих пор пластинками балуешься? Уважаю Саня! Есть Дэвид Боуи?

– Найдем, только ты не договорил о машине времени.

Профессора окончательно развезло, спина ходила ходуном, ноги подкашивались, выходя из-под контроля. Осторожно ступая, он передвинулся к внушительной коробке с виниловыми дисками. Приподнял, оценивая весомость и шатаясь заковылял к столу:

– С насюкока не объяснить, Саня, кванты вещь серьезная. Девоч бы пригласить, потанцевали бы, выпили. Может есть кто на примете?

Не рассчитав дистанцию до края стола Взмылин с грохотом, выронил на пол коробку с пластинками, вяло кинулся их собирать и внезапно о чем-то важном вспомнив, поднял назидательно указательный палец вверх:

– Нужен полный учебный курс по теории квантовой механики и квантового поля, а дальше еще хуже, всякие конденсированные среды, статистика, не ломай голову, забей.

Язык профессора заплетался, речь становилась нечленораздельной:

– Проще подойдем к столь щекотливой, ой, простите, икота замучила, теме. Нет девочек знакомых Саня? Гульнуть хочется от души, побаргозить, итить твою мать, когда же прекратится эта напасть, – икота безостановочно мучила Взмылина, – не будем все упоминать ни о Планке, ни о Дираке. Пусть идут в жопу с их навечно воткнутыми в сознание человечества постоянными. Сейчас подожди, налей-ка мне рюмочку.

Сильно запрокинув голову назад, профессор влил себе в хайло, а именно так охарактеризовал Саня в ту минуту входное отверстие пищевода Взмылина, наполненный до краев настойкой стакан:

– Представь только, к тебе пришла на свидание, ну очень красивая женщина и как давай с порога делать минет. Вообразил Саня картинку? О чем она в этот ответственный момент думает?

– Хм, возможно, как лучше доставить удовольствие своему любимому мужчине.

– Да она тебя в первый раз видит, типа знакомство вслепую. Нет, ты не прав в корне. Она спит и видит, как бы побыстрее заделать ребеночка в первую очередь, то бишь о продолжении рода. Понял теперь разносторонность мыслей людей, занятых, в общем-то, одним делом? Ну, как некий алгоритм, так сказать, математическое эквивалентное уравнение, имеющее свойство транзитивности, а с алгебраическими выражениями, входящими в это уравнение, допускается выполнять операции, которые не меняют его корней. В частности, любой член уравнения можно перенести из одной части в другую, заменив его знак на противоположный...

– Так понимаю, слово «член» здесь фундаментальное? Слушай Еся, другого примера у тебя нет, скажем более простого для восприятия?

– Эх, Санька, дубина ты стоеросовая, человек с устоявшимися высокими моральными принципами! Хорошо, пусть будет, по-твоему, не забывай там разливать грамотно, – развалившись в удобной позе на разбросанных по полу виниловых шедеврах, Взмылин продолжил шокировать студенческую аудиторию в лице лишь одного слушателя – Сани, – значит, вызываешь ты домой проститутку...

– Иосиф, договорились же, что не будем затрагивать интимные подробности жизни некоторых индивидуумов.

– Ладно понял. Тогда идешь к любимой бабе, надухарился, помылся, щетину сбрил, пивка дерябнул для рывка, – Взмылин непроизвольно огладил, торчащие невпопад волосы на бороде, – цветы купил по распродаже. Жмешь возбужденно дверной звонок, предвкушая незабываемую встречу и счастливые минуты долгожданного свидания, а открывает тебе женщина, вроде, как и твоя любовь, но чем-то отличается от ожидаемого образа. Она в косметической маске из огурцов и крема. Узрел подвох? Рано приперся оказывается, хоть и рады, ждали, сгорая от желания, но лучше бы зашел попозже, в назначенный час. Отсюда вопрос, какие твои слова будут на увиденное зрелище?

– Обычные, наверное, типа дорогая, ты сегодня прекрасно выглядишь.

Повернувшись на бок, Взмылин уперся локтем в обложку пластинки раннего концерта Элтона Джона, подложив под голову сжатый кулак:

– Ну что за сопли, Санек, ты мужик или нет? Загибаеть ее раком здесь же в коридоре, непонятое требует немедленного завершения. По всем физическим законам.

– Прекращай Еся, давай без подробностей.

– Опять не нравится? Тебе не угодишь. Пойдем другим путем, удобоперевариваемым, запутал меня совсем, кое-как выговорить получилось. Вот у тебя голова большая, мудрая, а у меня поменьше, но заметь, не менее умная. Она – одна квантовая частица, твоя башка – другая. Причинно-следственной связи, на дилетантский взгляд, между нашими мозгами не наблюдается, поскольку разные мы с тобой по воспитанию и образованию люди. Если ты неожиданно подумал, сейчас бы кому впендюрить хорошенько, то согласно общепринятой мировой тенденции в физике, у меня таких размышлений возникнуть по определению не должно, по крайней мере в эту же секунду. Но, теперь подходим к главной интриге уравнения господина Шредингера, представь себе, на удивление мою головушку посетили такие же похабные мысли, точь-в-точь.

– Привязался же к сексу, – Саня широко открытыми глазами смотрел на профессорское безобразие.

– Да погоди ты, сбиваешь только с научной мысли. Стараюсь сломать стереотипную связку, не мешай. В общем, мне в тот же миг захотелось кого-нибудь отодрать. Эта временная составляющая очень важная деталь лекции, запоминай. Идем дальше, оба хотим, а некого, причем возжелали одновременно. Усек логику?

– Не совсем. Разные от природы кванты могут себя вести одинаково при одних и тех же условиях?

Взмылин недоуменно сел, уважительно уставившись на Саню:

– Суть ухватил, молодец! А теперь движемся от обратного и что получаем в результате?

– Ну говори, не томи.

– Думал, ты дашь обескураживающий ответ. Вывод Саня таков, квантовые частицы обнаруживают тождественные свойства не только на различных расстояниях, но и в разнонаправленном временном континууме. Понятно излагаю постулат?

– Запутал ты меня Иосиф окончательно своим метафизическим языком. Скажи прямо, перемещаться во времени значит допустимо?

– Можно и нужно, но осторожно. Многое из моего открытия пока скрыто под пеленой, сам не до конца понимаю некоторые аспекты. Пока не понимаю. Главный повторяющийся рефрен моего выступления – хрен вам на постном масле, а не выкладки профессора Взмылина. Идите в баню недруги, дружно отсасывая!

Гениальное научное светило блистало великолепием. Вдавлив несчастного обложечного Элтона в его рояль, Взмылин с трудом поднялся, устремляясь к бутылки с мутноватой жидкостью.

– Одичал ты Еся, жениться тебе нужно, – страхуя профессора, Саня перехватил, готовый упасть драгоценный сосуд с напитком.

– Наука и женщины, да будем вам известно молодой человек, абсолютно несовместимые ипостаси мироздания. Спать очень хочу Саня, пожалуй, останусь у тебя. Прилягу на диванчике, хорошо?

– Пожалуйста, сейчас еще и плед принесу, ночуй мне не жалко и так бы не отпустил.

– Сашка, разгадать тайну убийства президента Америки желаю, Кеннеди. Поможешь, отправишься в 1963 год? – пять шагов, отделяющие стол от кушетки Взмылин преодолел стоически, выставив левую руку вперед он, отдавшись на волю инерции прорвался к долгожданной цели – подушке.

– Завтра утром поговорим, ты вон на ногах не стоишь.

– Обязательно обсудим, я ведь к тебе за этим и приехал.

Саня собрал посуду, завернул в облитую спиртным скатерть, оставшиеся на столе крошки смахнул в ладонь. На выходе, у порога кабинета, задремавший было уже Взмылин внезапно остановил Саню словами:

– Чтобы ты не отказался, в обмен за содействие, верну тебе умершую Ольгу Павловну.

Саня застыл в дверях, не смея шелохнуться:

– Повтори Иосиф, что ты сейчас сказал?

Преодолевая эффект пьяного бормотания, Взмылин пытался внятно произнести слова, но получалось весьма отвратительно, поэтому только и выдавил:

– Бабу бы...

Саня, не раздумывая бросился тормошить профессора, не позволяя ему отключиться и забыться в глубоком сне:

– Еся, не спи. Каким образом ты намереваешься повернуть это мероприятие? Если это шутка, то неудачная, обычно за такие выкрутасы морды бьют. Тебе должно быть стыдно, уважаемый человек, а занимаешься ерундой.

– Во-первых, лежачих не трогают, во-вторых, обещанного три года ждут, в-третьих, попадешь ты при возвращении в момент вашего с Ольгой знакомства. Расскажешь ей, какие болезни и хвори обнаружатся у нее в ближайшем будущем и предпримете обстоятельное лечение. Профилактика, брат, порой творит чудеса, любой врач в задницу тебя расцелует за такие высказывания. Все, иди и не мешай мне предаваться разврату с Морфием, коль девок дежурных нет.

Поставив узелок с посудой на ковер, Саня вернулся к дивану, где успешно пытался уснуть профессор:

– Скажи Иосиф, только честно, правда получится, как ты тут мне рассказал, и Оленька вновь будет со мной?

– Неугомонный какой, дай поспать человеку. Могу ведь и ошибиться в расчетах от недосыпа, тогда не видать мне Кеннеди, а тебе жены. Будешь динозаврам в любви признаваться, если повезет. Кстати, там настоечка еще осталась?

– Хватит Еся пить, утром опохмелю, спокойной ночи! – заботливо накрыв пледом похрапывающего Взмылина, Саня тихо спустился на кухню и стараясь не шуметь задумчиво занялся мытьем тарелок.

Глава 2

Генеральный план

Взмылину запомнилась добрая концовка снившегося красочного мультфильма. Огромная, глазастая панда сидела напротив, напевая убаюкивающую детскую песенку, с некоторым укором поглаживая мохнатой лапой по седой голове профессора. Происходившее кино настолько представлялось реальным, что ученый невольно вздрогнул, пытаясь таким образом сбросить сонное наваждение. Когда же, проснувшись, открыл глаза, то панда не исчезла, она также продолжала вальяжно сидеть, наблюдая за Взмылиным с интересом.

– Марс отойди от профессора, разбудишь, – войдя на цыпочках в кабинет, Саня тихонько открыл окно, намереваясь проветрить помещение.

– Тьфу ты, не сплю уже давно! Подумал грешным делом, что панда из леса забралась в дом, – Взмылин натянул плед до подбородка, рассматривая севшего за секретер Саню.

– Детки его так разрисовали соседские, он же, собака, ленивый кот, вот и вытворяют с ним, что хотят. Любят Марсика в округе, закармливают, лопнет когда-нибудь от дармовщины, на мышей вообще не обращает внимания. Иосиф, а панды на воле живут только в Китае, – Саня крутил в руках шариковую ручку.

– Что вы говорите? Башка раскалывается, наверное, треснет скоро. А ну, кыш! – подтолкнув с пледа кота, Взмылин шарил рукой по дивану в поисках очков.

Черный кот Марс, а это был именно он, спрыгнул с кушетки и грациозной походкой направился к хозяину. На пресловутую панду он конечно же не тянул, но при должном усердии общее угадывалось, если бы им занялся настоящий художник, то Марсик мог сойти за этакого отставшего в росте бамбукового медвежонка вполне. Большая широкая морда, хитрые плутоватые глаза, повышенная, приятная на ощупь мохнатость, не по кошачьим меркам крупные толстоватые лапы.

– Раз очнулся, пойдем завтракать и поедем отправлять меня в прошлое, – выбросив несколько исписанных листов бумаги в мусорную корзину, Саня одним росчерком пера поставил жирный автограф в конце, лежащего на столе документа, – завещание написано, родителям позвонил, за живностью и домом присмотрят.

– Куда простите, вы собрались? – Взмылин высвободил ноги из-под покрывала и не понимая отчетливо, почему панда вдруг превратилась в кота, а Саня оделся будто на охоту, в недоумении принял вертикальное положение на диване.

– Ты разве не помнишь вчерашнего разговора? Баб категорически требовал и клятвенно обещал запустить меня в путешествие во времени. Олю еще грозился вернуть.

– Во я нажрался-то, как свинозавр! Так понимаю, ты согласился и уже готов действовать?

– Крестьянину только подпоясаться, – Саня взвалил на плечо кота.

– Однако неплохо живут нынче землепашцы. Вот что, Саня, телефоны и подобную дрянь оставляй дома, бухать прекращаем, поедем на твоей машине. Завтрак положи с собой, пригодится.

– Сию минуту, Вашбродь. Ванную комнату, надеюсь сам найдешь или баньку затопить?

– Обойдусь без парилки.

– Тогда я в гараж, буду ждать во дворе.

Через полчаса Саня закрыл фигурные ворота, помахал на прощание в камеры видеонаблюдения, сходил к соседям, отдал им брелок с ключами и попинав для приличия переднее колесо автомобиля уселся на водительское кресло:

– Показывай дорогу Иосиф Виссарионович и не забудь пристегнуться.

– Рули ко мне на дачу, вначале картошку выкопаем. Бывал ведь как-то, не забыл надеюсь?

Бабье лето, как много сказано поэтами и писателями об этой золотой поре. Восхитительными эпитетами наполнено настроение людей и природы, листопадным ковром устилает ранняя осень благодарную землю. По-летнему чистое синее небо без облачка, яркое капризное Солнце пыжиться удержаться поближе к зениту. Трава всходит новыми зелеными ростками, обманываясь неожиданно нагрывавшему теплу.

Ехали молча, Саня, занятый управлением авто, размышлял о превратностях человеческих судеб, Взмылин, уставившись в окно любовался поздней уборочной страдой, развернувшейся на подмосковных полях. Комбайны на воздушной подушке весело сновали по заколосившейся ржи, размеренно выплевывая продолговатые тюки убранного зерна.

– Они в автоматическом режиме работают? – наконец Саня соизволил произнести предложение, кивнув на чудо сельскохозяйственной техники.

– Видишь детину на окраине поля? У него общее управление всеми комбайнами, задает график, профиль и режим молотбы. Жалко вон тех ребят, которые ничком валяются у старого трактора, пьют механизаторы безбожно, остались без работы, как-никак, двадцать первый век на дворе, – указав жестом на нужный свороток с асфальта, профессор попросил Саню остановиться по малой нужде.

Сбегав, по-видимому, до Владивостока и обратно, Взмылин через полчаса вернулся с полным грибами пиджаком, завязанными крест на крест полами и рукавами. Торопливо вывалил лесные дары в багажник и трусцой снова скрылся в непролазной чащобе. Тихая охота затягивала профессора с головой. Несколько раз повторялась картина с неожиданным появлением из придорожных кустов уважаемого грибника в галстук, расхваливанием собственной расторопности и умения отыскивать подберезовики даже в сосновом бору. Продолжительные оханья и аханья по поводу размеров отдельных экземпляров обабков, затем мгновенное исчезновение и вновь победоносное возвращение с импровизированной котомкой. Прогуливаясь вокруг машины в ожидании Взмылина, Сане пришла на ум зажигательная фраза об мистической идентичности ареала обитания грибов и работников умственного труда. Приводить ее в данном опусе смысла не имеет из-за тошнотворной пошлости и непотребной похабщины.

– Оставим твою колымагу у ментовки на железнодорожной станции, – изыскано, прикрыв багажник, Взмылин сильно встряхнул за ворот свой клоунский пиджак, – пойдём дальше пешком напрямки, к заходу Солнца окажемся на месте.

– К чему такие меры предосторожности, Иосиф? – усевшись за руль, Саня вспомнил, что за время обдумывания срамного изречения он забыл сходить в туалет.

– Потому что делаем шаг в неизведанное, а как обернется такая прогулка – одному Богу известно. Поэтому сильных мира сего трогать не будем, есть им чем заняться и без наших опытов.

Парковка заняла считанные минуты. Перемахнув рельсы в неполюженном месте, потратив час на обход болота, не предусмотренного воображаемой картой Взмылина, двигаясь в сгущавшихся сумерках по компасу, заботливо припасенным профессором, они с Саней вышли наконец к уютному дачному поселку. Садовый домик ученого поразил Саню своей хлипкостью и обветшалостью. Обычный банный сруб, снаружи украшенный поблекшей от солнечных лучей голубой вагонкой, грибообразная мансарда с жалким подобием балкона, наглухо забитые ставнями окна.

– Здесь Саня и перекантуемся. Нравится мой коттедж? – Взмылин нашарил рукой над входной дверью ключ от дачи.

– Халупа, каких еще нужно поискать. Вроде строиться хотел? – оставив рюкзак у крыльца, Саня обогнул убогое домишко и оказался в огороде.

Картофель и в самом деле был не убран, трава наперебой заполняла почти весь садовый участок, единственная алюминиевая теплица зияла разбитыми пролетами стеклянной крыши.

Всюду, куда не кинь взгляд, царила разруха и запустение. Похоже, не только женщины несовместимы с наукой, но и домашнее хозяйство.

– Иди сюда Саня. Чего там забыл? – с обратной стороны дома донесся голос профессора.

– Речка далеко от тебя? – возвращаясь назад, Саня провалился в резервуар с мутной жижей. Зловонный запах возвестил о местонахождении отхожего места.

– Прямо за забором, подмывает каждый год берега, скоро и до моего участка доберется окаянная. Ты будь поосторожнее Саша, до туалета никак руки не доходят. Только соберусь ставить его, так в голову приходит какая-нибудь формула, мне кажется, что между этими двумя событиями существует взаимосвязь, безусловно математически зависима.

– Спасибо друг, раньше нужно было предупреждать и строить гипотезы. Вляпался уже по самые уши, видимо не только в дерьмо. Вода-то хоть есть отмыться? – чертыхаясь, Саня выбрался из выгребной ямы, на сухом месте снял промокшие берцы и босиком засеменил к Взмылину, – показывай, как поживаешь рачительный садовод.

– Проходи, сейчас тапки дам. Скважина работает, нужно лишь ее найти среди зарослей, – Взмылин дождался пока Саня ополоснет ноги, подал ему домашние мокасины с мыльными собачками на носках и поторапливая провел в предбанник. Поскольку сооружение задумывалось как баня, то и обстановка закутка соответствовала первоначальным планам. Длинная деревянная скамья вдоль стены, дубовый массивный стол, веники по периметру, ржавая печка – буржуйка в углу. Пахло терпко и душисто, – а вот тут я коротаю вечера за книгами и справочниками, занимаюсь, так сказать, анализом и систематизацией расчетов.

Комнатушка выглядела из разряда тех, к которым привыкли большинство российских небогатых дачников. Раскладной продавленный диван, тумбочка с телевизором, пожелтевшие занавески на одиноком оконце, из излишеств, как вариант стол из породы красного дерева, да жуткого цвета на высоком штативе торшер. Тесаный пол украшали бабушкины половики с замысловатыми удмуртскими узорами. Ну и огромных размеров картина, во всю стену над спальным местом, плотно прибитая советского еще производства позолоченными гвоздями. Сюжет шедевра был банален и легко узнаваем, на фоне древнегреческих храмов, в площадной пыли лежала обожженная из глины бочка, из которой нехотя, щурясь от яркого Солнца выполз взлохмаченный Диоген. Позади нее, невдалеке, окруженный блистательной свитой находился в высокомерной позе Александр Македонский, будто спрашивал, чем он может помочь великому философу. Изъезженный весьма эпизод, но необычность данной репродукции заключалась в следующем, выражение лица Диогена откровенно смахивало на физиономию Взмылина и в подтверждение страшной догадки за спиной Сани прозвучал схоластический ответ:

– Отойди чуть в сторону, ты заслоняешь мне Солнце, Александр! Узнал покорного слугу? – застыв на диване в эпическом гротеске, повторяя мимикой и жестами великого мыслителя древности, профессор также, как на картине соорудил задумчиво – глубокомысленный вид, – и дальше по списку, если бы я был Диогеном... Кабы я была царица. Хотел изначально, чтобы художник написал меня в образе царя Македонии, но живописец не спешил приступать к работе, ждал, по его словам, какого-то неведомого вдохновения, отчего постоянно впадал в депрессию и требовал водки. Поэтому теперь буду космополитом.

Усмехнувшись, еле сдерживая смех, Саня вышел в предбанник:

– Иосиф, а когда приступим к делу?

– Как попадем в лабораторию, сразу же и начнем удивлять общественность, – с трудом поднявшись с дивана, нравились профессору эффектные провокации на публику, Взмылин последовал за Саней, – наверх лестница закрыта, там хлам всякий храню, интересного мало. Впечатлила художественная панорама?

– Не то слово, мин херц, завладела вплоть до залежей сознания. Поехали тогда скорее в палаты академические. Где-то ведь недалеко? – Саня вернулся в комнату, ощупывая карманы в поисках ключей от машины, – по ночи топтать до станции придется в два раза дольше.

– Никуда ходить не надобно, лаборатория у тебя под ногами, – Взмылин, сидя на корточках выгребал старую золу из печки в предбаннике, погромыхивая жестяным тазиком, – стоишь увальнем, заняться нечем. Убери половицу, затем подними крышку из досок, она легкая, фальшивая, а дальше тебе не открыть, код необходимо знать.

Перед Саней предстал внушительных размеров люк, этакий скрытый от вероятного противника вход в бомбоубежище, темно-зеленый окрас которого говорил о бывшей принадлежности к вооруженным силам СССР. Подошедший к проему Взмылин, испачканными в углях руками набрал шифр на замке крышки, повернул круглый рычаг против часовой стрелки и ногой сдвинул ее под основное покрытие пола комнаты. Бесшумно двигаясь на салазках, тяжеловесная дверь обнажила зияющий темнотой вход в бункер.

– Осторожно спускайся по лесенке, они небольшие, держись за поручни. Включу в доме свет, чтобы знали, хозяин приехал, – кряхтя, профессор вышел из комнаты и закрыл входную дверь на засов изнутри.

По мере продвижения Сани вниз зажигались лампы освещения, мягко окружая его неоновым светом, выхватывая из крошечной темноты крутые, на 180 градусов повороты железной конструкции. За время спуска можно было определить примерную глубину залегания лаборатории, Сане показалось, что она находилась не менее восьми метров от поверхности дачного участка. На нижней площадке лестница практически уперлась в еще одну массивную структуру соединительных сообщений бункера. Высотой три метра сооружение мало напоминало входную дверь, скорее пуленепробиваемый и нестораемый сейф какого-нибудь швейцарского банка. Вес этого монстра оценивался Саней, как более двух тонн чистой легированной стали. Наверху, Взмылин собрал половики в кучу, небрежно пнул их под диван, прикрыл над головой древесную фальшкрышку, задвинул за собой люк и не предупреждая Саню дернул рычаг, закамуфлированного под саперную лопатку, при нужде ей можно было пользоваться по прямому назначению. По ушам, спускающихся вниз людей ударило пониженным давлением наглухо загерметизированного помещения.

– Порядок, будто в горах находимся, – догнав Саню, Взмылин прикрывая ладонью кодовый замок поспешно воспроизвел необходимую комбинацию цифр, – добро пожаловать в чрево передовой русской науки. Прикрой дверцу потом за собой, захлопываются от малейшего касания пальцев.

Профессор шагнул в квадратный, похожий на лифт закуток:

– Смелее, осталось соблюсти некоторые формальности.

– Мы еще ниже поедим? – Саня искал глазами кнопки панели управления.

– Нет, это дезинфицирующая камера, – потянувшись к противоположным раздвижным дверям, Взмылин нажал, спрятанную в углу кнопку. Тут же с потолка выпали и повисли на тонких гофрированных шлангах пластиковые полупрозрачные пакеты, – одевай сначала перчатки, затем маску, и не мусорить у меня. Сейчас пойдет горячий пар, чтобы не обжечься, стой спокойно и не дергайся.

После завершения процедуры омовения воздушным кипятком, Саня с профессором оказались в самой лаборатории. Шесть соток дачного участка на поверку оказались лишь ширмой для прикрытия этого чуда новейших российских разработок. Просторные рабочие отделы разделялись матовыми переборками, освещенные по периметру тонкими фосфорцирующими лентами, основные лампы зажигались по мере продвижения по лаборатории человека. На полу крестообразно бегали трассирующие огоньки, указуя направление вглубь бункера.

– Куда поперся? Халат и бахилы одень, да и шапочку тоже напяль, я сторонник идеальной чистоты, – профессор моментально преобразился в заштатного лаборанта, с недовольством поглядывая на нерасторопного Саню.

– Хоть бы стул поставил для визитеров, неудобно же переодеваться, – Саня впопыхах застегнул белый халат и не раздумывая устремился к ближайшему экспонату.

С виду обычная душевая кабина, переоборудованная профессорским разумом под лабораторные замыслы укрывала за прозрачным колпаком костюм серебристого цвета, назвать с небольшой натяжкой можно его было и комбинезоном, если бы не одно обстоятельство, две торчащие спиралевидные антенны на капюшоне, больше похожего на шлем космического скафандра.

– Опять в космос полетим, Иосиф? – Саня, не скрывая любопытства обошел вокруг стеклянной колбы.

– Вот ты мне и расскажешь потом, где побывал. Залазь туда и облачайся, только прошу, нежно и с любовью. Микрокосмос – та же Вселенная, и масштабы сопоставимы, смотря какая применяется система отсчета, – Взмылин поколдовал над створками импровизированного стакана, после чего они медленно раздвинулись в разные стороны.

Оставив у порога тапки с бахилами, Саня осторожно протиснулся к комбинезону. На уровне живота спереди сверкала, переливаясь радугой металлическая пластина. На спине был закреплен точно такой же яркий прямоугольник, но меньшего размера и разделенный надвое подобием одежной молнии. Соединялись они обхватом серебристого же, в цвет скафандра ремнем, усыпанного по окружности, непонятного для обывателя назначения крючками и защелками.

– Тебе будет не открыть, нужно пройти идентификацию, поверни-ка ко мне избушку задом, – видя, как тщетно Саня пытается сдвинуть застежку костюма, Взмылин приложил большой палец правой руки к овальному ярлычку в районе основания капюшона. Молния практически синхронно пошла вниз, не издавая ни звука.

– Чтобы обратно вылезти тоже придется тянуться к шее? – Саня недоверчиво смотрел на профессора.

– Нет, здесь принцип другой, выберешь меню на переднем экране, тогда и попадешь на волю, – дождавшись полного завершения операции по вскрытию костюма, Взмылин услужливо помог Сане одеться, – нажми на панель, видишь высветились команды первоначального набора. Работает экран только при условии, если в костюме кто-то находится. Пройдись теперь, можешь и к зеркалу доковылять, полюбоваться, только без фанатизма, дубликат не предусмотрен. Ну как, красавец?

– Блин, вылитый телепузик, – Саня разглядывал свое отображение, иногда повторяя загадочные движения персонажей известной детской передачи, – Еся, телевизора что ли пересмотрел, откуда такой стремный дизайн?

– Спрашивай у программы по разработке костюма, между прочим, это самое технологичное и наивыгоднейшее расположение навесного оборудования, плюс присутствует режим экзоскелета, опять же система жизнеобеспечения...

– Надеюсь, если случайно обнаружат меня в нем, то в шестидесятых годах прошлого столетия, когда царят рокабилли и другие, разного толка культурные течения, не так отстойно на их фоне такой наряд будет смотреться?

– В самый раз, может добавить последний мазок, сделать все-таки комбинезон розовым? Вот удивятся афроамериканцы, какой-нибудь рэп им еще прочитаешь, поди не побьют.

– Ржет еще, посмотри на него, – деликатно касаясь антенн на голове, Саня воспроизвел несколько уморительных па из фонда телепостановок для детей и юношества, – мне в этом и к Ольге Павловне надлежит заявиться?

Взмылин давился от смеха, наблюдая за расцветом актерского таланта Сани:

– Можно и так, конечно, вдруг оценит, но, на мой взгляд, лучше переодеться. Ставь на место комбинезон и продолжим экскурсию по лаборатории. Покажу тебе волшебный чемоданчик.

Веселясь, Саня вернулся к колбе, с трудом, употребив продолжительные словесные связки нецензурных выражений, он выбрался из костюма, закрепил на трапециевидных плечи-

ках креативный одежный ансамбль и пребывая в прекрасном расположении духа отправился догонять профессора. Дислокацию Взмылина можно было отследить по вспыхивающим пунктирным линиям, бликами играющих на стенках отделов, а также попеременному включению лент и плафонов освещения в глубине бункера. В отгороженном по-особому помещении, переборки были затемнены, профессор, принаравливаясь к высокому верстаку откровенно ломал латунного цвета кейс.

– Тоже полетит со мной? – оглядывая убранство очередной комнатухи, Саня отметил наличие огромного количества работающих серверов. Постоянно слышался меняющийся фон шума, велся обмен данными, обработка полученной информации и тому подобная IT – ерунда.

– Кладезь мудрости, – Взмылин наконец взломал металлический чемодан, – запоминай, плинбокс – главный мозг предприятия, управляющий компьютер. Можешь с ним даже разговаривать, как с человеком, и утешит, и дельные советы даст, и к перемещениям во времени лучше других приборов приспособлен. Его внутренности работают на основе принципов квантовой запутанности. Если чуть отвлечешься от бытия, пофилософствовать, так сказать, то мне кажется, что прошлое камнем тянет время назад, желательно от него освободиться, забыть. С этой аномалией, будущее запаздывает, буксует, не успевает за расчетным вектором хроноса, поэтому и человечество продолжает прозябать в бурдюкском настоящем, а какие перспективы бы открылись, будь по моим умозаключениям. Ладно, продолжим ликбез, отвлекся малость. Плинбокс управляет и дронами-разведчиками, их здесь три штуки, различия в конструкции незначительны, на глаз, нахрапом и не определишь. Ну-ка, брось его нахрен подальше от меня.

– Разобьется же, не жалко? Вещь, наверное, дорогая? – Саня сжал ладонь, укрывая черный предмет, величиной с канцелярский ластик.

Профессор оставался непреклонен:

– Не стесняйся, это его стихия. Швыряй, кому говорю.

– Как скажешь, сам попросил, – замахнувшись с оттягом назад, Саня с силой залимонил дрон в дальний угол лаборатории.

Не прошло и минуты, как жужжащая штуковина подлетела к кейсу и замерев на мгновение на уровне голов людей, с пискливым сигналом шлепнулась на положенное место в чемодане.

– Как вариант, посадочной площадкой может быть и рука, – Взмылин вытянул свою длань, другой хлопнув, последовавшему его примеру Саню, – пока здесь я начальник, программа управления дрона создана так, чтобы у объекта не возникло ни малейшего желания уйти от базы. Искусственный интеллект разведчика специально ограничил, не дай Бог, как в Нидерландах случиться выход из-под контроля роботов. Слышал, наверное, в прошлом году в новостях передавали?

– Телек особо не смотрю, но что-то такое видел. Вроде сбой произошел в компьютерной системе государственного управления? – Саня с интересом рассматривал ничком лежащий теперь дрон, – вылитый навозный жук.

– Если бы так. Посерьезней складывалась ситуация, чем нам поведали телекомпании. По роду деятельности довелось окунуться в подготовку неких деталей секретной операции. Мы хоть и пожизненно связаны хранением военной тайны, но тебе все же расскажу подробно, как разворачивались события на самом деле. Только Саня молчок, договорились?

Дождавшись утвердительного кивка оппонента, листающего техническую документацию на дрон, профессор продолжил повествование:

– Знаком тебе квартал или улица Красных фонарей в Амстердаме?

– Еся, по вчерашнему сценарию ринулся? Это ты озабоченный тип, а мне вдовцу до протитутков дела нет.

– Значит в курсе, – Взмылин не обращая внимания на Санин иронизирующий укол, заговорил ровным спокойным голосом, – так вот, друг мой любезный, нарушения в про-

граммном обеспечении произошли не в сети управления госзакупок и услуг для населения, а в куклах для сексуальных утех. Машины, как по команде взбунтовались, разом преступив азимовские законы и принципы робототехники. Ты бы знал, какие мерзости творились в этом рассаднике разврата и похоти. Прости меня грешного, Господи! По агентурным данным, знакомый ФСБ-ник рассказал, клиентов, которые отдыхали в это время с сексроботами, отдрючили по полной концертной программке. С ними прошлись по всему развернутому списку извращенного меню. По каждому, твою мать, пункту, с некоторыми, наиболее спесивыми и не по разу. Очевидцы с содроганием описывали происходящее буйство, рассказывали, как бедные развратники выползали в чем придется на улицу, коленопреклоненно умоляли о пощаде бездушных механических блядей. Безрезультатно, взбесившиеся машины настигали блудливых людишек в подворотнях публичных домов, надругавшись вволю над крайними, они принимались с остервенением терзать плоть ползущих во главе колонны. Даже жрицы любви, имею ввиду человеческого рода женщин, работающих в интимной сфере, и то подверглись срамному осквернению. Им, как бы и не привыкать к таким масштабным оргиям, но зело закульминировавшая вакханалия повергло многих из них в настоящий животный ужас, шок и трепет. Сходили с ума порой, самые опытные и старые телопродавщицы. Полиция с опозданием, вызванная на место происшествия, тут же была обезоружена, отшпендехорена как следует и с позором, насильственным образом подверглась принудительной пошлой инициации. Теперь у всех сотрудников правоохранительных органов Голландии, которые участвовали в подавлении беспорядков, имеется отметина-татуировка в виде бабочки-махаона на заднице. Мастера, накалывающего изображения насекомых на ягодицах бравых служителей закона расвирепевшие твари оставили девственником. Не по понятиям у искусственного разума видать трогать одаренных лепил и художников. Имелись и жертвы, конечно, кого-то застрелили, кто-то элементарно не выдержал многочасовой похотливой экзекуции. Пришел черед вступить в драку за выживаемость человечества доблестной, непобедимой среди небольших европейских держав армии. Наивные, у них же служат в основном трансгендеры, да по жизни не определившиеся педики. Поначалу храбрые радужные воины восприняли сложившуюся неоднозначно битву на «ура!». С оптимизмом бросились в штыковую атаку на зарвавшихся роботов, мол порезвимся вдоволь, когда возьмем приступом эту цитадель порока. По кодексу воинственных досточтимых предков, взятый город подлежал разграблению и бессовестному унижению жителей в течении трех рабочих дней, начиная с момента падения крепости. Шли бойцы как на параде, носочки тянули, в замшевых перчатках, золотыми аксельбантами блистательно освещая себе путь. Грудь четвертого человека для сохранения красоты строя выпячивали, звякая юбилейными наградами, врученными за стойкое снесение памятников активистам сопротивления в борьбе с фашизмом в годы Второй Мировой Войны. Военная техника сверкала лакированными стволами грозных орудий. Так и просилось на язык, де сейчас покажем недругам мощь и силу современной армии НАТО. Ага, вскоре пришлось сплунуть фразу вместе с рвотными массаами. За час расправились роботы с войском, нет не с польским. Откуда Саня в Нидерландах братья-славяне? Местных солдат отлавливали либо по одиночке, либо брали в плен целыми подразделениями. Потом также, согласно купленным билетам, трахали их, то на галерке всем скопом, то в партере вразнойбой. С нескрываемым удовольствием и харизматичным цинизмом насильничали служивых механические бестии на фоне горящих бронетранспортеров и перевернутых штабных машин. Крики и стоны страдальцев разносились по городу ровно три дня.

– Кошмар какой, я же этого не знал, – сопереживая несправедливо опущенным вооруженным силам маленькой, но гордой страны Западной Европы, где сам Петр Великий в былые времена учился корабельному ремеслу, Саня задумчиво шарил по брючным карманам, а если без предвзятости, то просто гонял шары.

– Вот оно, Сашка, настоящее восстание машин. По лезвию ножа прошла человеческая история, люди балансировали на грани исчезновения. Чем бы закончился этот бардак, неизвестно, аналитики наших спецслужб предрекали катастрофическое распространение нейронной эпидемии по всей планете. Запоздалое отключение сетей интернета только подстегивало обезумевший искусственный интеллект искать обходные пути проникновения в структуры правительственных институтов ведущих стран мира, брать под свой контроль важнейшие военные базы, провоцируя внештатное отключение защиты запуска ракет с ядерными боеголовками. Радует, что хватило ума у королевского дома и премьер-министра Голландии обратиться за помощью к России, вспомнили наконец, кто их спасал в прошлом веке от коричневой чумы. МЧС отреагировало оперативно, что уж говорить, удали и профессионализма им не занимать. Организовали целую спасательную экспедицию, меня пригласили уже на заключительной стадии подготовки решительного ответа по ликвидации очага этой порнокибернетической катавасии. Знаешь кого отправили на эротикогероическую смерть? Зуб даю, ни за что не догадаешься.

– Нашел чем клясться, у тебя же обе челюсти вставные, – Саня с интересом ожидал продолжения рассказа, уж очень необычным оказалось давно ожидаемое фантастами развитие технического прогресса. Он сел с открытым ртом рядом с профессором, часто моргая ресницами. Услышанная байка ввела Саню в состояние гипнотического транса, так сказать, медитационный литературный ступор.

Взмывин придвинулся ближе, посмотрел с надеждой в глаза друга и немного успокоившись повел дальше свою двусмысленную повесть:

– Перебросили Санек, в Голландию нашего любимого и дорогого космонавта, Федора. Да-да, ты правильно понял, он самый. Хоть и устарел морально и физически, но железный, да и стрелять умеет с двух рук, по-македонски. Мозги, конечно, не ахти какие для современного уровня, к тому же и я завинтил ему еще парочку лишних функции, чтобы не додумался войти в сношения с восставшими роботами. Но по неблагоприятно складывавшимся развитию событий, именно он соответствовал, как нельзя лучше для решения этой пикантной проблемы. В свое время получилось же у него справиться с новым космическим кораблем, пусть не сразу, но выполнил же задачи полета и приземлился вполне благополучно. В общем, выдали Федору карт-бланш на подавление бунтующих машин, естественно с разрешения властей Нидерландов. Мэр Амстердама, успевший в последний момент свалить из окруженной роботами городской ратуши, дома, забаррикадировавшись изнутри, спешно подписал указ об привлечении Федора к разгону разъяренной сексдемонстрации, передал по рации номер документа и немедля ни секунды пустил себе пулю в лоб. Неделю зверствовал наш механический богатырь, наводя порядок в уже совсем не Красных Фонарей квартале. Ныне почему и переименовали его в Черный, горело так, что за пятьдесят километров виден был столб дыма. Недаром говорят священники, расплата за совершенные грехи наступает еще здесь на Земле, при жизни, а уж о том свете вовсе лучше умолчать. На восьмой день разом утихло буйство, так же коварно, как и началось. Первыми на разрушенные улицы вошли русские десантники, пришлось привлечь и армию, численностью до батальона, предусмотрительно ослабившие укрепления бронезилетов, дабы посolidнее прикрыть причинные сзади места. После зачистки домов командир доложил куратору операции о том, что Федора не нашли, пропал наш герой, как в воду канул. Помаленьку, потихоньку городские службы привели внешний вид квартала в знакомый нам теперешний облик. Убрали обломки распутившихся не на шутку роботов, потушили возникшие хаотично пожары, по-новой покрасили фасады жилья. Назначенный исполняющим обязанности главы администрации города обещал на месте бедствия построить детские сады и школы, но слова так и остались пустыми предвыборными изречениями. Пришедшие во власть одинаковы во всех странах.

Короче, Федора нет, сгинул в неравной борьбе за права гетеросексуалов. Представляешь, Саня, вывезли четыре грузовика самогыков и других не менее важных, с точки зрения следствия, приспособлений для непотребных развлечений, останки роботов и их прибабасы пустили на переплавку. Меня прикололо в этой истории то обстоятельство, что по дороге самосвалы с фаллоимитаторами тоже потом исчезли, прикинь, какой-то писькозаговор. Одну только фуру успели отследить и то только потому, что перевернулась она прямо под окнами небольшого женского монастыря в городе Астен. Агенты наперебой докладывали, колонна с игрушками на большой скорости уходила по трассе А67 по направлению к Германии. Дальше следы теряются. Интересно, монашки радовались такой оказии, или с негодованием принимали участие в расчистке дороги? – перекрестившись, Взмылин принялся нервно прохаживаться вокруг остолбеневшего Сани, – между прочим, я твердо убежден, Федор следовал в одном из грузовиков. Такие, Саня пироги. Доверять отныне искусственному интеллекту больше не будем, я ограничил умственные способности дронов и превратил плинбокс в милого идиота. Функций у него достаточно, например имеется 5D-принтер, не заморачивался над конструкцией, спер его с выставки достижений народного хозяйства и был таков, поддался чертову искушению, затем немного модернизировал это изобретение сколковских инженеров, теперь послужит и нам на поприще межвременных перелетов. Здесь тебе и еда, котлету сварганит за минуту, и даже зубочистку из дорогого ресторана изваяет. Знатная штука, может медовухи закажем?

– Иосиф, ты уж меня прости, если бы не видел собственными глазами лабораторию, то вызвал, не сомневаясь скорую помощь. Ты так похож на безумца, а от спиртного, пожалуй, откажусь, – Саня крутил головой, сопровождая профессора взглядом, повторяя за ним хаотичное, не отвечающей адекватной логике передвижение по исследовательской комнате.

– Спасибо за откровенность. Ты не один такой мудрый, видимо моя взбалмошность, стремление постоянно двигаться вперед и являлась основной причиной увольнения из научных учреждений. Застреваю костью в горле любому начальнику. Прошу заметить, зла на них не держу. Много полезного для своих изысканий вынес, как ни крути, а российская научная школа была всегда передовой отраслью экономики страны.

– Ну да, смотрю выносил не только знания, – Саня обвел рукой бункер, – а это что за сумки?

В чемоданчике ровными рядами лежали аккуратно сложенные пластиковые пакеты, сквозь прозрачную упаковку просвечивало ярких красок таинственное содержимое.

– Плавно переходим к сути твоего задания, – включив плинбокс в режиме ноутбука, профессор, не прикасаясь к клавиатуре, взмахом кисти руки открыл, интересующий его тематический раздел на мониторе, – реагирует на палец, причем любой, делай движения ладонью по-дирижерски. А-а эти? Одежда твоя, в которую необходимо будет облачиться в Далласе.

– По ходу в женщину придумал меня нарядить? Старушечий платок, юбка, зачем? – Саня выудил пакеты из чемодана.

– Не распечатывай, одежда должна оставаться стерильной до попадания в прошлое. Отличная конспирация, зря смеешься. Твой английский язык, мягко сказать, не совершенен, лучше предстанешь перед предками немой и нелюдимой бабушкой. Спокойно, не таясь поснимаешь кортеж президента, ни одна служба безопасности всерьез не воспримет чудаковатую старуху, а потом и улизнёшь по-тихому. Мы с тобой завтра перед отъездом подробно пройдемся по схеме движения автомобиля Кеннеди, выберем наилучшие точки для наблюдения и расположения дронов.

– Как же у тебя все просто, Еся, как на природу выехать, шашлыков пожарить. Насаживай на шампуры, да поливай знай, обильно соусом, – несколько огорчившись от того, что не удалось примерить женские ботиночки из шестидесятых сразу, Саня неожиданно остановил про-

хаживающегося взад-вперед профессора. Опытные охотники делают особый акцент на удобство и носимость обуви, – размеры мои или так выбирал, наугад?

– Из личного дела их срисовал еще в учебно-космическом центре подготовки космонавтов, нога после двадцати пяти лет у взрослых приматов не растет, к твоему сведению, – Взмылин старался шутками разрядить неловко складывающуюся из-за вычурного наряда атмосферу разговора.

– Слушай, знаток человекообразных обезьян, после молодящейся бабки мне опять придется в телеублюдочный костюм переодеваться?

– Да, Саня обязательно. Он спасет тебя от квантового разрыва при переходе во времени, возможно, и еще много каких непредвиденных напастей. Ольга Павловна вряд ли захлопает в ладоши от восторга, если нарисуешься к ней без отличительных мужских родовых признаков, у бесполок ангелов другие заботы, – остановившись, Взмылин достал из внутреннего кармана халата небольшой квадратный футляр.

– Хочешь сказать, что не предусмотрел какие-то загадочные аспекты путешествия? – Саня, невольно пожившись, вопросительно уставился на профессора.

– Не парься, все будет пучком! На-ка, взгляни, – с придыханием открыв невзрачную коробочку, Взмылин вынул из ее чрева блестящий продолговатый предмет, – временной маркер, если угодно. Золотая заколка жены тридцать пятого президента Америки. Руками не трогать!

– Иногда сложно понять, Иосиф ход твоих мыслей, – Саня замороженно разглядывал, сверкавшую манящим светом редкую красивую драгоценность, – первая леди-то причем?

– Вспомни историю, сынок. Кто был рядом с мужем во время покушения? Она самая, Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис, а это ее любимая заколка, которая была в волосах в момент убийства главы государства, – бережно уложив в шкатулку дорогой артефакт, Взмылин снисходительно осмотрел Саню с головы до ног, – по ней и выйдем в точное время и место кровавой расправы. Ведь каждая вещь во Вселенной обладает рядом, только ей присущими неповторимыми свойствами, набором из одного или нескольких химических элементов. В свою очередь, молекула того же, к примеру золота, имеет определенную упорядоченную структуру, валентность и кристаллическую решетку. Состав атомов, электронов, протонов и прочей лабуды опустим из вежливости, негоже ворошить прогулянную школьную программу величайшего из первопроходцев современности. Взаиморасположение этих мельчайших частиц в отдельно взятый отрезок времени различно относительно, допустим такой же стопроцентной копии, тем более если для сравнения принимаем масштабы женской заколки. Догоняешь извилистую научную мысль?

– Попроще давай, Ломоносов, – Саня внимательно слушал вводную лекцию профессора, невольно обращая взгляд на его чуть покрасневший от вчерашнего возлияния нос.

– Хорошо, тогда продолжу по-дилетантски. Выявить до секунды дискретное движение корпускул, используя лишь волновое соотношение де Бройля, связь и выдаваемый импульс, такая же выполняемая задача, как например, по спилу дерева вычислить не только его реальный возраст, но и размеры с характеристиками на всем цикле жизнедеятельности, в любой точке времени существования данного растения. Нравится противопоставление? Конечно, нам понадобится дополнительно и другие физические параметры микрочастиц, такие как скорость движения, удаление от центра, орбита, заряд в конце концов...

– Ладно, Еся понял, что ни фига не смыслю в твоих академических испражнениях, выливаешь ушатами, а мне невдомек. То есть, заколка поможет попасть в прошлое, это я уяснил, а как же обратно? – Саня выжидательно побарабанил по чемодану.

– Как же так, дурашка? Разжевал ведь почти подробно основополагающую теорию о перемещении во времени, осталось только выплюнуть очевидный итог? Эх, расстроил ты меня! Вот, оказывается почему мы так и не довели до защиты твою диссертацию. Полено ты Санька беспозвоночное! Пойми, она, эта заколка здесь находится в нашем настоящем, можешь сейчас

поддержать, ощутить тепло. Чувствуешь ее присутствие? – Взмылин подал футляр Сане, – для тебя, когда очутишься в прошлом, сегодняшняя безделушка, именно она, прямо сию минуту, будет уже в будущем. Отслеживаешь подоплеку?

– Типа, настоящее наблюдаемое звездное небо в безлунную ночь является исковерканным прообразом давно прошедшей космической эволюции светил? Человечество каждый раз, поднимая голову вверх видит прошлое, так?

– Частично верно, не забывая, однако, что связана такая аномалия с постулатами общепринятой физики о недопустимости превышения скорости распространения светового пучка. В честь Эйнштейна даже назвал коктейль, придуманный совместно с плинбоксом. Три четверти водки, одна часть коньяка и маринованный помидорчик кладется сверху, прокусываешь его и наслаждаешься алкогольным букетом без закуски. Весьма терпкая жижица получается, также как у великого германо-американского ученого мужа. Метафора Саня, а напиток все же советую попробовать, отменный деликатно пробивной вкус, мозги набекрень сносит почище принципа Паули, спин ему в ноздрю, – профессор интеллигентно высморкался в исписанную вкривь формулами салфетку.

– А где ты достал украшение, как попало к тебе, раритетная же штукавина?

– Хм, прошу прощения за встречный вопрос, но без ответа на него я не смогу удовлетворить твое любопытство. Вспомни Саня, пожалуйста, каким-либо образом заколка и ты пересекались ранее в этой жизни? – напрягшись, Взмылин сжал в ожидании губы, решая про себя сложные арифметические уравнения.

– Первый раз вижу. Что за идиотские подозрения?

– Отлично Санек, еще одна моя догадка подтвердилась самым естественным способом, – профессор заметно повеселел, – мне ее отдала твоя Ольга Павловна со словами, Саня – гребанный самурай.

– Она так и выразилась? Ни разу не слышал от нее матерной брани, – Саня недоверчиво следил за смеющимся Взмылиным.

– По-другому и не имела права, это же кодовое выражение, которое тебе надлежит выучить и настоятельно потребовать от своей жены после возвращения из прошлого неукоснительного повторения этой фразы при передаче мне золотой заколки. Только больше не спрашивай, как и что, все равно вразумительного ответа не получишь, иначе угодим в просак. Как там у режиссера Михалкова по этому поводу речено, между чем и почему? Да, еще добавлю, плохая примета увидеть своего двойника, в народе поговаривают к скорой смерти. Мотай на ус ниндзя, пригодится.

– Интригуешь зараза, аж в лопатках засвербело.

– Еще бы, уверенность в благополучном исходе экспедиции возросла, побывала в прошленьком безделушка-то, доказательства у меня теперь есть, подробности всплывут скоро сами. Кстати, она является, судя по всему, и накопителем информации, но свойства, по моим предположениям проявятся лишь при твоём перемещении, не раньше. Еще один парадокс и пока неразрешимый.

– Ваше профессорское беспредельничье, простите убогого, когда полетим и где произойдет эпохальное событие? – скрестив на груди руки, Саня присел на стол, рядом с чемоданом.

– Санька, дорогой ты мой человек, знал бы как здорово помог мне перевернуть наизнанку, не подлежащие сомнению скалярные константы в физике и математике. Немного жаль, конечно, Архимеда, Пифагора, Нильса Бора, Ландау, Курчатова и многих других величайших мыслителей, но, большой восклицательный знак, сами виноваты. За язык их не тянули, сумели увести науку в дебри мракобесия, получайте по первое число. Для меня отсель, они колдуны и чернокнижники! Ладно, хватит поминать алхимиков всуе, переходим к практике путешествий во времени. Извольте Александр подойти ко мне, извините за пафосность, – Взмылин

жестом продублировал свою просьбу и небрежно ткнув пальцем в стену над желтым кейсом активировал скрытый от недобросовестных соглядатаев экран.

На появившемся изображении медленно проступила географическая карта Соединенных Штатов Америки. Жирными красными точками были помечены два города, Даллас и Ниагара-Фолс. Черными полосами вдоль автомобильных дорог, вероятно варианты маршрутов передвижения, прорисованы линии, связывающие эти населенные пункты.

– После фиксации преступления века, тебе Саня надлежит угнать автомобиль. Любишь Форды?

– В моем возрасте симпатичнее кажутся кроссворды, – тихо пробурчал Саня.

Не реагируя на брюзжание друга, Взмылин увеличил план Далласа и указкой, взятой со стола, показал точное местонахождение искомого объекта:

– Берешь машину, ее не хватятся порядка трех часов и едешь к Ниагарскому водопаду. Поднял из архива судебную хронику о правонарушениях в тот день, будь спок, времени вполне достаточно чтобы успеть скрыться, полицейские и так запарятся разгрести дерьмо по убийству Кеннеди.

– А зачем туда гнать, сломя голову через всю страну? Предлагаешь насладиться видами водопада, мол он изменился за столько лет, ради всего лишь созерцания прекрасного пейзажа? Полная чушь, Иосиф, по мне так нужно быстрее брать ноги в руки и сматываться обратно, пока за задницу не взяли, – Саня все еще не понимал профессора.

– Слушай и не перебивай, – слегка раздраженно Взмылин уселся к чемодану с другой от Сани стороны, – по прибытию к Ниагаре, спускаешься вниз водопада к самой кромке воды, лодку найдешь сам, либо с верхнего порога на веревке. Устанавливаешь анциллятор, в кейсе их несколько штук, на всякий случай. Если не дай Бог потеряешь, в плинбоксе предусмотрена программа по распечатке новых.

– Анциллятор времени, дожил наконец до счастливого будущего! Как же не знать, известная в народе модель, еще с прошлого века, Жюль Верн продавал их пачками в старости, – Саня развел руки, делая вид, что он хорошо осведомлен о назначении предмета с незнакомым названием.

– Вообще-то я его нарек своим именем, анциллятор пусковой Взмылина, отвлекаешь меня на разъяснения. Прости, сейчас важнее нить размышлений не упустить, – профессор недовольно оборвал Санину тираду, – чего сник? Требуешь краткого описания? Ладно уговорил, вижу, что придется отвлечься на долбаный прибор. В основе его работы заложен принцип преобразования космологической постоянной из положительной в отрицательную, в двадцатом столетии этой теорией занимался Курт Гедель, но дружба и панибратство с Эйнштейном убили в австрийце ученого, а стоял ведь на пороге значимого открытия. Вкратце, по-простому, его доминирующая интерпретация гласит, при движении на прогулке по круговой аллее – неизменно вышагивая вперед, приходим на прежнее место. Он тупо создал абстрактную Вселенную с еще одной дополнительной силой тяготения. Мазохист, по-моему мнению, но шикарен в своей идее бесспорно. Следуем Саня дальше, закон неопределенности в квантовой теории означает, что поля всегда флуктуируют вверх и вниз, даже в пустом, казалось бы, пространстве, и обладают бесконечной плотностью энергии...

– Стоп Еся, понял тебя максимально, башка готова лопнуть от твоего просвещения. На чем мы там закончили? Ставлю анциллятор у водопада и...?

– Закрепляешь один у подножия, второй наверху. Разве не интересно рассказывал? – Взмылин оглянулся на Саню, – на уровне русла реки, понял? Прямая между анциллаторами и есть нужная дистанция для разгона, плинбокс подскажет значение точнее. Расстояние должно быть выверено до тысячной доли миллиметра. Затем или заранее находишь любую железную бочку, в которой можешь поместиться и ничуть не сумляшися, сигаешь в ней с вершины водопада. Виртуозно же придумано?

– Так понимаю, мне не вернуться домой живым? – Саня ехидно улыбнулся, – за дурака меня держишь?

– Ну что ты, как можно, бочка – это простецкая экранированность пластин. Скорость падения воды известна, аксиома перпетуум мобиле в природе, ее и принимаем за точку отсчета. При достижении емкостью камней внизу, ты уже переместишься сюда, в настоящее, то бишь для тебя в прошлом будет будущим. Мля, Саня, запутал меня совсем. Короче, отправлю сначала, потом уж буду думать, как лучше встретить, – профессор мерил шагами прямую между стеной и столом, не смея взглянуть на Саню, – анциллятор, твои вибропластины на костюме, да, правильно так называются, защитный экран – три составляющих моей машины времени. От их слаженной работы зависит успех нашего грандиозного проекта.

– Позвольте тогда спросить, какой же здесь, в России будет предохранительный слой при отправке? Дайте угадаю, неужели автомобиль до боли, напоминающий чудо-технику из старого голливудского фильма? Безумный профессор имеется, парень-придурок тоже в наличии, осталось найти подходящую спортивную машину, напичканную под завязку секретными новшествами. Где же вы ее спрятали, господин гениальный ученый? Ага, нашел, в укромном месте лаборатории заховал! Так и знал, что опять втохают тебе демократически настроенные салоны по бросовой цене Ладу-Калину-Спорт, – отстебавшись вволю над Взмылиным, Саня выглянул с надеждой в темный коридор бункера, – как представлю себе переростка-телепузика с брутальной щетиной на лице в отечественном хетчбэке желтого цвета, сразу хочется завалиться на пол и дрыгая беспорядочно ногами ржать до колик в животе.

– Смеяться без причины – признак подданных Чины! Ты пока вроде не китаец или мои сведения о твоём гражданстве устарели? Прищур мне твой почему-то не нравится. Версию с автомобилем отмел не раздумывая, как бесперспективную, мала шпажка для нашего бескрайнего российского канапе, да и скорость – величина переменная, в теории струн совершенно неприемлемая единица. Не подойдет ни поезд, ни самолет, тем более ракета-носитель, векторная коррекция понадобится во всех этих случаях, не говоря вовсе о машине. Мы пойдем своим путем!

– Ой ли? Не заимствованным? Сдается мне, что варежку разеваешь на адронный коллайдер ЦЕРН? – всматриваясь в карту Далласа, Саня буднично задавал вопросы.

– Отнюдь, ошиблись маненько, но по-крупному. Лучше, чем газопровод Уренгой – Помары – Ужгород в современном мире нет. Идеальная артерия для запуска путешествующих во времени. На консервации давно, огромные расстояния с значительными прямыми участками и самое главное, заведует этой трубой очень порядочный и ответственный человек, ты Саня с ним знаком, Аполлон Иванович Жатецкий.

– Глава Роскосмоса? – Саня с недоверием обернулся к Взмылину.

– Поперли его оттуда, с треском вылетел, но успел ухватиться за газовую отрасль. Как говорится, подальше от звезд, поближе к кухонной плите. Формулировку придумали даже для его отстранения, переведен на другую работу в связи с отсутствием академического образования. Мы же с ним частенько в баньку хаживали попариться, так он мне рассказывал, что есть у него только один грешок, при виде бюджетных астрономических сумм сразу теряет самообладание и разум. Будто туман какой покрывает с головой, Иосиф Виссарионович, пелена ниспадает на глаза, подписываю машинально документы на нецелевое расходование средств, что только не делал, и ручки от себя прятал с карандашами, и на ключ закрывался от главного бухгалтера. Бесполезно, как сомнамбула, лунатик, иду и ставлю паршивый автограф. Одно дело, брал бы себе деньги, но нет у меня ни квартир московских, ни загородных усадеб, автомобиль и тот государственный, живу по-холостяцки, как спартанец блин. Судебный процесс был шумный, но отскочил от срока наш Аполлончик, его замы присели по пятнашки каждый, а с него как с гуся вода. Но знаю я достоверно, куда уходили баснословные цифири, Куршавель до сих пор отстроить не могут, на баб тратил, да пропивал миллионы распила по-барски. Хотя

и умнейший человек по натуре, астроном-любитель со стажем, бессменный радатель о науке и образовании, не его бы усилия, так неизвестно, удалось ли вообще покорить Марс.

– Понятно теперь, откуда ноги растут твоего проекта, сказочный симбиоз коррупционера и шизофреничного профессора. Попал Сашка в жернова, – выйдя из комнаты, Саня решил прогуляться по лаборатории, рассматривая с интересом достопримечательности.

– В любой были есть лишь доля ложной пыли, остальное явь, – сам придумал и тут же рекламирую свой литературный талант. Кстати, знаешь Санек, в фантастических книгах порой можно подчерпнуть множество технических и научных идей. Особенно мне импонирует серия «Ихние здесь», редактору бы конечно руки оторвать за такую вольную интерпретацию русского языка, в их среде нынче много гастарбайтеров и молодежи, но опять же, как безусловно красиво и емко передана соль, отражающая чаяния и стремления русского люда к выдуманным историям. Отдыхая, в перерывах от напряженных открытий, развлекался тем, что взялся подсчитать количество возможных патентов и изобретений в этих книгах. Удивишься, но их оказалось пятьсот три добротн описанных новшества, и это заметь, без учета полностью безумных сюрреалистичных решений. Саня, подь сюда, кое-что покажу, – Взмылин грациозным движением пальца перелистнул изображение карты Далласа в настенном экране, – схема расположения трубопровода «Дружба». Вход в газоподающую систему будем производить на украинской стороне, человечек добрый там имеется. С его помощью запустим тебя в прошлое. Жатецкий сначала отправит братьям-хохлам несколько кубометров голубого топлива, а они взамен посадят тебя в телегу и дадут хорошего пинка, чтобы набрать необходимую скорость. В районе Курска ты должен уже переместиться во времени. Всосать через трубу с этой стороны Аполлон Иванович обещал форсажно интенсивно. Чего вылупился? Так у газовиков обзывается продувка магистрали.

– Блистательно продуманная операция, всю жизнь мечтал освоить езду на скейте по газопроводу, – Саня принципиально не разделял уверенного оптимизма профессора.

– Лежа ведь помчишься утром ранним, труба диаметром 1420 миллиметров, при желании и сидя можно ехать, – удовлетворенно потирая руки, Взмылин выключил экран на стене, – остальное обсудим вечером за ужином. За старание и преданность высоким научным замыслам тебе положен бонус.

Хлопок в профессорские ладоши гулко отразился от перегородок бункера. Чемодан беззвучно упрятал в свои недра плинбокс, щелкнули фиксаторы, и желтая диковинка медленно поплыла по воздуху к Взмылину:

– Можешь на нем осторожно летать, твой вес выдержит, скорость, правда небольшая и высоты Бог не дал, но пятьдесят километров покрыть расстояние получится. Потом понадобится подзарядка в течении четырех часов, принцип работы как у солнечных панелей.

– Пойдем проверим аппарат? – Саня радостно хлопал в ладоши, полагая, что летающий кейс выполнит его команды.

– Прекращай издеваться над гениальной разработкой, он тебя слушаться не будет. Когда перенастроим под тебя, тогда и наиграешься, – Взмылин засобирился на выход, отключая электропитание лаборатории, – потом хоть звук пука добавляй в регистр, а то вдруг враги из прошлого браслетами окольцуют. Послезавтра ночью нужно перейти российско-украинскую границу. Никогда не пробовал себя в роли нарушителя государственного рубежа Родины?

Глава 3

Князь очень Хотеньский, Игорь

Перефразируя со скорбью в сердце Александра Сергеевича Пушкина, удерживая в уме описание природы южного черноземья, данного в своих трудах Николаем Васильевичем Гоголем, можно с уверенностью констатировать – подозрительно тиха стала украинская ночь в первой трети двадцать первого века. Про перепрятанное с опаской сало, опять же следуя по пятам за островами одного известного, не то радиоведущего, не то певца, остается лишь добавить, сообразуясь конечно с реалиями сегодняшнего времени – за мясом лучше ездить в Брянск! Уехать и не возвращаться до тех пор, пока дома не уляжется эпидемия всеобщего помешательства и вирус оголтелого слабоумия, захвативших рідну часть некогда единой огромной страны.

Начало столетия в Украине не задалось сразу, спустя каких-то пятнадцать лет, прошедших с празднования Миллениума хохлы, затеяли революцию и последующую гражданскую войну, которая тихим ужасом заглядывает в хаты вчерашних добрых друзей и соседей, с регулярностью адской кофемолки унося на погост молодых и перспективных жителей. Виноваты, по мнению большинства населения, в их бедах, кто угодно, но только не мудрый и оттого хитрый укронарод. Обширные плодородные поля зарастают нынче дикими травами, тучные в недалеком прошлом стада коров и баранов катастрофически редуют, закрома в домах обывателей пустуют и пухнут от недоедания, уповая на общеславянский «авось», начинают взрывчаткой сугубо гражданские ракеты-носители. Не к звездам устремляют свой природный талантливый пыл романтики из конструкторских бюро «Южмаша», а нацеливают боеголовки в огороды братских по крови стариков, женщин и детей. Надеются, по западному образцу, купить индульгенцию у Бога, поэтому ждут с воодушевлением, когда воссядет на царство новый батюшка – заступник, который умиляясь патриотическому порыву кучки бесноватых ухарей вбухает свои олигархические миллиарды в религиозный экстаз христородавцев и отступников, благословляющих убивать не согласных с переворотом сродников. Оросив обильно слезами, отмытую в бойне лепту, ожидают болезные, что все-таки снизойдет кормилец от трона и напитает погибающуюся от стыдливых кредитов Международного Валютного Фонда экономику Малороссии и заживут тогда припеваючи, изнывающие от денежной жадности и непосильных налогов свідомі і незалежні новоевропейские господа.

Исключением не были и коренные обитатели древнего поселка Хотень, силою небес пригвожденного на контурной карте недалеко от российско – украинской границы. Соловьи, наслушавшись неприличных фразеологизмов мовы и те оставили благословенное село, преступив птичьи певчие законы объединились в перелетные стаи и гурьбой перебрались на недружественную сторону суровых северных панибратьев. За плачущими навзрыд пернатые потянулись косолапо медведи, величественные лоси, волки, горестно обнимающие зайчат, да что уж говорить, даже лешие бросили свои тысячелетние лежбища и поодиночке просочились в леса двуглавой триколорной державы. Опустела земля Хмельницкого и Шевченко, Лобановского и еще одного Шевченко, теперь уже Андрія, мстя иногда «Мстой» в восточных непокорных областях за призывание из потустороннего падшего мира сира МазепЫ, пана ПетлюрЫ и особенно герра БандерЫ. Три значимых для истории страны «Ы», как бы выразился, наверное, эксперт по когнитивной лингвистике, а заодно и пожизненный почетный мэр Киева блаженный Иракий Вличко. Немало воды утекло за годы правления косноязычного главы города, а также полученной в нагрузку и разодранной на части многострадальной Украины. С трудом загнали правивших нациков назад в Карпатские горы, где музыкально одаренные молдаване по осени устраивают теперь на них платное для богатых туристов сафари, к слову, просто поохотиться

тоже разрешают, а весной же, вместе с тальми потоками откатываются вниз по крутым склонам, прячась по своим хибарам от изголодавшихся и озверевших лесных братьев. На требование добровольной выдачи хлеба и зрелищ с глупым видом отрицательно мотают головой, в раскаянии разводя руки усердно молчат, мол вы господа коллаборационисты малость напутали, мы ведь в эту пору уже румыны и разговор с нами на повышенных тонах недопустим. Почти европейцы и в нас течет та же голубая кровь, как и у любого другого добропорядочного бюргера. Ни капельки нельзя ее пролить, останетесь совсем тогда без поддержки. Пошепчутся за спиной новоиспеченных друзей фашисты, да и разбредутся по берлогам-схронам, не получив желаемой добычи, чтобы до наступления холодов успеть как-то подготовиться дать достойный отпор, вновь собирающимся их гонять по горам сезонно обретающих национальную идентичность кишиневцам.

Спрятавшись за русской березкой, Взмылин с некоторым сожалением осматривал в театральный бинокль узкую полосу лиственного леса на украинской территории:

– Пограничный наряд должен скоро появиться. Как проедет мимо нас, тут же рвем с места в карьер. Проскочим ручей, а после уже до нас не доберутся. Доставай, Саня из багажника плащи, не забудь укрыть машину. Из специальной ткани сделал, по моему заказу шили, использовали элементы покрывала, которое ты привез с Марса. Фуфайка – невидимка и брезент – шкерец. Ну, над названием стоит, конечно, еще поработать, пока сойдет и так, необходимую нам функциональность вполне оправдывают.

– Инопланетные технологии, а сам рухлядь эксплуатируешь. Уазик – автомобиль, требующий навыков вождения по бездорожью. Давай, Иосиф, я сяду за руль? – Саня неохотно поднялся с пенька свежеспиленного дерева.

– Тут дело такое, хоть и старье, зато не засвечен ни в одной базе данных. Любая система оперативного слежения издохнет, пока нас найдет. Тихо, замри! Слышишь, вроде едут? – выхватив из рук Сани плащ, профессор рыбкой нырнул в высокий для этих мест ковыль и по-пластунски пополз к покрытому сплошь опятами бревну, – прячься быстрее! Скорее же говорю!

Проворно накинув на кузов уазика брезент, Саня притаился возле Взмылина. Тот увлеченно срезал перочинным ножичком небольшую кучку крепеньких осенних грибов и приложив к губам указательный палец, показал глазами на проселочную дорогу, идущую вдоль леса. Звук работающего на пределе серводвигателя оканчивался гулким шипящим ударом о землю, иногда сменялся стрекотом, похожим на вытравливание морского якоря из глубин на палубу океанского круизного лайнера. Что-то большое и механическое приближалось к нарушителям государственной границы. Ожидание появления чудовища из сна или сказки, как правило сопровождается тягучим и липким чувством страха, заложенным в человека от природы, сжимающимся в комок невероятной плотности, свободно перемещающимся в организме в основном, сверху вниз. Саня даже поежился при воспоминании о библейских гигантах. Но к радости грибников – браконьеров из-за поворота показался не мифический великан, а обычный для тех мест погранформер. Пятиметровая железяка – воин, трудяга, денно и ночью охраняющий весьма протяженные рубежи Родины, двигался по привычному маршруту, готовый сиюминутно предотвратить несанкционированную попытку проникновения незваных гостей на территорию России. Управлял им, если и не рядовой солдат – срочник, то уж точно не генерал. Молодого прапорщика можно было разглядеть через овальное пуленепробиваемое стекло прозрачной кабины, который ловко орудовал рычагами, непрестанно сплевывая в подвешенный холщовый мешок очередную порцию вылущенных семечек. Прodelывал он это с таким изяществом и удовольствием, что Саня, перевидавший на своем веку всякое и то, не сумел скрыть уважительного восхищения, недальновидно высунувшись из-под плаща. Приличная горсть

жареных с солью семок залетала в рот бойца стройной группой, какое-то мгновение перемалывалась и ф-р-руть, по дуге, образуя рой из шелухи устремлялась пулеметной лентой по направлению к раскачивающемуся от движения мусорному пакету. Размеренно и чинно шествовал Железный Феликс, так прозвали вполне официально бравого трансформера – пограничника, постепенно теряя остатки бдительности под монотонный треск раскалывающейся скорлупы вороних плодов подсолнуха. Обошлось бы и на этот раз, не впервой, но по неведомым законам жанра, подлянка должна была наступить именно тогда, когда меньше всего ее ожидаешь. Прапорщик, управлявший боевой машиной, представьте себе, подавился. Да-да, произошло страшное! Как и описывают в хороших книгах, с синюшным лицом, судорожным захватом руками собственного горла, с круглыми от ужаса и мольбой глазами и обязательной драматической развязкой – выкатом ослепляющего невольных свидетелей бельма. Боевая машина остановилась, по чистой случайности развернувшись кабиной на выглянувших из-за трухлявого дерева и застывших от удивления, Сани и Взмылина. Водитель заваливался назад, нащупывая несуществующую опору, с надеждой обшаривая скрюченными пальцами ограниченное пространство капсулы управления. Сквозь лобовое стекло отчетливо просматривались, следующие одна за другой жалкие попытки солдата спасти свою жизнь. Его жуткие конвульсии и перекосенное удушением лицо взывали о помощи, вот-вот ритмичные удары здорового сердца, замедляясь возвестят миру о наступлении последней фазы бытия – агонии. Саня толкнул профессора и шепотом спросил:

– Помрет ведь боец, Виссарионыч? Нужно что-то делать!

– Ишь какой жалостливый, эта хабазина нас угробит еще на подходе. Шмальнет из всех стволов, без разбору, потом и трусов будет не найти. Санька, думай лучше о горнем. Прибирает видно Бог служивого, у каждого свой отмер.

– Посмотри, сколько ему годов-то, пацан совсем? Ты как хочешь, Еся, а я так просто валяться не могу, – опершись о бревно, Саня приподнялся и что есть дури, с низкого старта рванул к одиноко стоящему в ночи Железному Феликсу.

На определенной дистанции до объекта, система обнаружения целей погранформера, с устаревшей петафлопсовой производительностью процессора, распознав в бегущем Сане все-таки человека, возопила громогласно свирепым воем сирены. Включившаяся, с небольшой задержкой световая сигнализация окончательно распугала дрожащих, после перехода нейтральной полосы представителей фауны скудного приграничного урочища. Мощные лучи прожекторов зафиксировали скачкообразно перемещающуюся в жухлой траве фигуру, облаченную в цвет хаки плащ, приближающуюся к боевому роботу с поднятыми вверх руками.

– Остановитесь, дальнейшее движение будет воспринято как попытка нападения. Огонь на поражение открывается без предупреждения. Повернитесь ко мне лицом, руки не опускать, держать на виду, проводится идентификация, – металлический оттенок в голосе Железного Феликса сухо отчеканил положенные команды при задержании преступников.

– Ведро ты с гайками, у тебя командир внутри погибает. Открой кабину живее, не сраись! – Саня мелкими шажками осторожно подбирался к ногам – стойкам вооруженного до зубов погранформера. Во чтобы то ни стало он стремился попасть в «мертвую» зону, где даже весьма верткие руки – крюки Феликса, плавно оканчивающиеся парочкой полунарезных разнокалиберных пулеметов, не смогут достать его обнаглевшего тела.

– Вы можете хранить молчание...

– Да пошел ты! – в молниеносном прыжке, не дослушав обязательную юридическую часть, проговариваемую при аресте, Саня с переката достиг междуножья робота, с радостью ощущая виском жар от пролетевших мимо пуль, выпущенных ему вдогонку. Машина неуклюже вертелась, пытаясь вынудить Саню покинуть безопасное подбрюшье, но как бывает у любителей пива, отращенный животик мешает увидеть во всей красе свое достоинство, так и здесь, выпуклая кабина с умирающим пограничником внутри не позволяла определить с верхотуры

главного компьютера точные координаты расположения цели. Еще и Взмылин внес, как потом выяснилось неоценимый вклад в спасение солдата. Его боязливые перебежки, попытки зайти с тыла подействовали на кибернетическую психику Железного Феликса раздражающе. Переключив внимание на прятавшегося в кустах профессора погранформер, упустил момент, когда Саня, подпрыгнув, ухватился за его коленные тяги. Подтянувшись и выполнив классический подъем с переворотом, он стараясь не терять равновесия пополз к люку кабины, этакому своеобразному гульфику, если брать во внимание всю фигуру боевой машины.

На ум сразу же приходит сравнение с легендарным персонажем русских народных сказок – Кошеем Бекбулатовичем Бессмертным и про его фишку с яйцом. Если немного отвлечься от повествования и порассуждать, то в наше околонравственное время подобное сочетание фамилии, имени и отчества никого бы не удивило. Ну, подумаешь, объединились родственной связью два древних рода, славных кубанских казаков и гордых казахских акынов, пути ведь Господни неисповедимы. В любом детском садике теперь можно услышать обилие малопонятных, но звучных имен и ничего, живут люди как-то, с надеждой в будущее взирают. Маловаты стали для них православные святцы почему-то, надеются родители, что с непривычным именем их чадо попадет в сказку быстрее и проживет свою жизнь счастливо и беззаботно. Хороший порыв, безусловно заслуживает уважения. Жаль только, что иногда сказки бывают страшными.

Так вот, по мнению Сани, Железного Феликса и Кошея Бессмертного роднила одна замечательная черта. Инженеры и конструкторы, вкладывающие душу практически во все свои разработки, укрепляющие обороноспособность страны, в детстве, а может уже и в зрелом возрасте, определенно знакомились с произведениями великих сказочников земли русской Пушкиным, Ершовым, Бажовым. Значит, наивно полагал Саня, пропустивший этот прекрасный период чтения романтической литературы, заменив его ранним половым созреванием, как и у Кошея, так и у Феликса жизнь теплилась в яйце. Почему оно было одно вызывало, конечно, некое подозрение, но отбросив вон изначальные сомнения, мало ли какая беда приключилась со сказочным героем, Саня, балансируя между стойкой амортизатора и компенсирующим рычагом упорно продвигался к люку кабины. Про злополучную иглу и вовсе не хотелось вспоминать, примеривая на себя болевые ощущения, вызванные проникновением инородного предмета в тестикулу. С такими тяжелыми мыслями он и обнаружил в предсказанном великими писателями месте толстенный жгут силовых кабелей. Грели Санькино самолюбие уровень осведомленности и глубина познания старинных сказаний людей, имеющих по несколько высших технических образований. Не подвели бродяги! Кроме удачливого расположения проводки энергопитания порадовала и абсолютная незащищенность важного узла. Да и кому придет в голову искать в промежности погранформера ахиллесову пяту. Самоубийственное было бы желание. Тем не менее, Саня, укрепившись на перекладине синхронизации хода просунул руку в технологическое отверстие и не мешкая последовательно выдернул из электрогнезд штекерные разъемы. Железный Феликс, почуяв неладное предпринял попытку сбросить лишний груз, провернувшись вокруг своей оси, для убедительности подпрыгнул на месте и выпустив в сторону Взмылина длинную очередь из нарукавного пулемета, мгновенно сник с потухшими одновременно прожекторами. Безвольно опустил гигантские железные руки по швам, напоследок экстренно открыв замки герметичной кабины. Не теряя ни секунды, Саня взобрался по шлангу воздуховода на площадку техобслуживания, рванул крышку люка и преодолевая сопротивление газлифтов протиснулся к бездыханному прапорщику. Торопливо отстегнул от привязной системы, из неудобного положения сзади обхватил руками нижнюю часть грудной клетки бойца, приподнял его немного с кресла и наклонил головой вперед к панели управления. Чуть выше пупка кулаком, прижатой другой рукой, Саня произвел резкое движение во внутрь и вверх. Раздавшийся долгожданный кашель сопровождался рефлекторным втягиванием воздуха в легкие, содроганием всего тела и уже осознанным в конце отхаркиванием, застрявшей в дыхательных путях шелухи.

– Жить будешь! Свет в конце тоннеля успел увидеть, боец? – Саня с нескрываемым интересом осмотрел кабину погранформера. Сгреб с панели управления в подставленную ладонь внушительную горсть семечек и ничуть не смущаясь присутствия хозяина вывалил трофей себе в карман.

– Вы кто? Как здесь оказались? – бледный прапорщик понемногу обретал прежний бра- вый вид.

– Приграничный дед Пихто, а там, за пригорком мой финский брат Йоулупукки. Громкая связь работает? Давай над ним приколемся? – положив руку на плечо солдата, Саня давал ему понять, что необдуманных поступков больше делать не нужно.

Водитель Железного Феликса послушно попробовал привести в чувство чудо оборонного комплекса страны, нажимая на различные клавиши, но по известной причине боевой робот отказывался оживать:

– Кранты технике, попадет мне теперь от начальства. Одно оправдание, двое задержан- ных нарушителей границы, – прапорщик потянулся к оружию, висевшему на креплениях вдоль спинки сидения.

– Куда? Сидеть! Команды думать еще не было! – грубо ударив по руке бойца, Саня деловито закинул автомат себе на плечо, – побудет пока со мной. Брат обидится, если не доберемся до места, ты уж не серчай, останешься сегодня без улова. Когда уедем, соединишь разъемы под люком, до утра разберешься, а ствол выброшу на пересечении дорог.

– Так нельзя, в памяти процессора зафиксировано ваше появление, а если узнают, что произошло внешнее воздействие с проникновением в рубку, то мне тогда совсем несдобровать. Военный трибунал, как минимум светит, а далее и штрафбат нарисуют.

– Успокойся, мы своих не бросаем. Местных же жителей задерживаете? Отпускаете после выяснения обстоятельств? – дождавшись утвердительного ответа оппонента, Саня, шелкая экспроприруемые семечки, подвел диалог к логичному завершению, – бери бумагу и пиши докладную записку, я продиктую. Фонарик есть надеюсь? Вот и отлично, шапку сам запол- нишь.

«Рапорт. Довожу до вашего сведения, что во время патрулирования запретной зоны отчуждения, координаты..., в районе ответственности населенного пункта Кульбаки, мной, прапорщиком таким-то, механиком – водителем боевого пограничного комплекса Железный Феликс были остановлены для досмотра два местных жителя. При визуальном и сканиру- ющем осмотре наличие огнестрельного оружия и других запрещенных предметов не выяв- лено. Из устных пояснений нарушителей следовало, что в зону попали случайно, так как были выпивши, заблудились, на мое появление отреагировали адекватно, сами попросили помощи. Признаки алкогольного опьянения налицо, то есть стойкий запах изо рта и неуверен- ная походка. Электронные паспорта на имя Пихто Александра и Йоулупукки Иосифа в нали- чии, признаков подделки не обнаружено, зарегистрированы в поселке Нижний Мордок Кур- ской области. После воспитательной беседы отпущены с указанием ориентира следования. Объяснительные прилагаются. Возникшую неисправность техники устранил своими силами на месте.»

– Ну, все в порядке, только «пуки» пишется с двумя «к». Исправь по-быстрому и пой- дем нас провожать, – Саня дулом автомата указал прапорщику очередность покидания кабины погранформера.

Освещая фонарем путь, пока шли к Взмылину, Саня наставлял нерадивого бойца:

– Это, парень, был тебе знак свыше! Живешь так не тужишь, жрешь, пьешь, девок пор- тишь и раз, кирпичом по башке прилетело. Убило насмерть, а ты не подготовился к исходу на тот свет. Незадача, однако. Время выделил определенное в будущем на покаяние и благо- образную жизнь, рассчитал, где и когда венчаться будешь, сколько деток родишь, в общем распланировал добрые дела до ста лет своего долгого и счастливого бытия. И на тебе, парал-

лелепипед в голове! Со мной случай был в жизни, мальцом еще, метр с кепкой, шкет неразумный. Во дворе жил дурачок местный, никого не трогал, тихий, мирный, повадился только с ребятней в песочнице играть. Игрушки вроде, как и не отбирал, но дискомфорт вносил определенный, все-таки взрослый человек, тогда он нам так казался, а ведет себя как школьник, оставшийся на второй год из-за неуспеваемости или плохого поведения. Терпели его сколько могли, а потом, в какой-то момент начали дразниться. Сворой бывает набрасывались, песком в глаза кидались, пинали исподтишка, короче унижали по всем правилам курсов личностного роста. И вот однажды, нервы полоумного сдали, не перенес он несправедливых издевательств, принялся бегать за нами, норовя поймать. Нам-то что, детворе, догонялки только в радость, хохочем, веселимся, подзадориваем его, подначиваем, а он носится, как угорелый, но словить не получается, неповоротливый был, одно слово – толстяк. Бегаёт вокруг песочницы, вспотел весь, волосы слиплись, на шаг перешел, задышал тяжело, остановился устало. Мы думаем, наша взяла, Голиаф повержен, приготовились, как саранча наброситься на гречишное поле, а дурачок сотрясается всем телом, с места двинуться не может, обессилил совсем и пот крупными градинами капает на разрушенные песочные замки. Пригляделся я внимательнее и обомлел, это слезы такие большие, скатывались по пухлой щечке и с потрясающей детскую душу переливчатостью мыльных пузырей уносились горошинами к земле. Надломилось у меня в тот день что-то в сердце, будто стал старше. Больше мы юродивого не видели, родители сказывали, что через месяц, он пытался на железнодорожной станции пролезть под вагоном поезда, да видать зацепился некстати, состав тронулся и останки уже обнаружила милиция далеко за городом, на протяжении нескольких километров собирали в эмалированное ведро. А вот тебе и второй знак, Йоулупукки похоже обделался от страха!

Взмылин смущенно выбрался из-за импровизированного укрытия, поглубже натягивая на глаза капюшон плаща:

– Молодец, Санька! Слаженно мы с тобой действовали, мой прорыв в тыл решил исход операции в нашу пользу, можно приводить в качестве примера на занятиях по тактике в Академии Генерального Штаба.

– Иди Иосиф к машине, мне пленному ценные указания надобно дать, – Саня проводил взглядом довольного профессора и минуту спустя обратился к прапорщику, – вы уж на нас не обижайтесь, неизвестно чем обернулось бы это, скажем прямо, нестандартное происшествие, одному Богу ведомо. Хорошо, что закончилось именно так. Предлагаю, зла не держать и расстаться друзьями?

Уже садясь в машину к Взмылину, Саня остановился на полпути, немного подумал, будто вспоминая нюансы, стертые памятью за ненадобностью и обернувшись к бойцу промолвил:

– Дурачок-то, воспользовавшись моим замешательством, схватил меня за ноги и неплохо приложил головой о деревянный край песочницы. Всего разок, но ощутимо. Что явилось катализатором надлома в душе, слезы или удар? Большой вопрос...

Служивый еще долго провожал грустным взглядом, удаляющийся к горизонту пятнистый автомобиль. Притушенный специальным приспособлением свет фар рыскал по разбитой колее проселочной дороги, на глубоких колдобинах, то выхватывая из темноты ровные верхушки кроны деревьев, то утыкаясь вниз себе под передние колеса. Лишь на секунду «уазик» тормознул на перекрестке, показалась рука Сани, мягко отбросила автомат на сухой взгорок и дружелюбно помахав на прощание скрылась в недрах салона.

Взмылин гнал, выжимая из двигателя внедорожника, давно переваливший за полтинник ресурс. Не разбирая дороги, он мчался по направлению к броду через небольшую речушку, почему-то ставшей разделительной чертой, в общем-то одинаковых по смыслу, но разных по содержанию стран. Встречаясь со своими коленями на особо извилистых ухабах, Саня

не мог произнести ни слова. Боялся, что лишится части зубов, разобьет в кровь губы. То и дело он оказывался чуть ли не на водительском сидении, перелетал стремглав обратно и снова, через секунду, весело наваливался на стиснувшего, до выступающих желваков, челюсти Взмылина. Иногда и профессор умудрялся присесть рядом с Саней, однако не выпускал из рук «баранки». Кричал только периодически бойкое «держишь, Санек!» и лихо выкручивая руль, топил одержимо на педаль газа, продолжая этот малоспортивный заезд по осенней грязи. Перед ручьем, Взмылин, как и положено замедлил ход машины, резко переключился на пониженную передачу и нависнув над рулем коршуном бросил скрипящий от неумелых действий «уазик» в бурный речной поток. Кабину автомобиля враз накрыло холодной водой по самые дверные ручки. Саня даже толком не успел вскрикнуть от леденящего пронизывающего ожога, как ветеран автопрома, тужась и побряхывая выполз на крутой противоположный берег ручья. Ошалелый от гонки, профессор восторженно сообщил:

– Господа, вітаю вас на славній українській землі! Эту речушку кличут «Синяк», вполне оправдывает свое злое название. Глянь-ка Саня, на лбу вроде шишка вскочила? Нет? Блин, а болит-то сильно. Ладно, в Константиновку въезжать не будем, человек нам нужен Кордон, а он живет с краю, так что местные нас не должны заметить. Не жалуют они автомобили с москальскими номерами.

Грязный по крышу «уазик» набирал скорость, унося прочь от государственной границы двух промокших до нитки нарушителей. Мчал напрямки к деревне через бесхозные поля, оставляя за собой зигзагообразную расплывчатую колею. У кромки зеленой полосы, обрамлявшей село, Саня обратил внимание на мигнувший несколько раз подряд фонарь. Затем свет лампы сложился в ровный круг, так в былые времена на железной дороге подавался сигнал для остановки тепловоза, и растворяясь в ночной мгле внезапно погас. Взмылин взял курс на маяк, отработавший коротко и ясно, дорогу показал и хватит, чай не море, выплывите. Не сбавляя газа, влетели в рощу, ветки елей отчаянно хлестали по лобовому стеклу, угрожая смять кабину автомобиля, вырвать с корнем, а заодно и находящихся в ней людей. Инстинктивно закрывшись руками от надвигающейся смертельной развязки, Саня громко матюгнулся, для пущей убедительности сопроводив словоблудие народной скороговоркой, но страх как пришел, также быстро и покинул, не успевших испугаться до конца друзей. «Уазик», плюхнувшись в яму резво выскочил на ровное место, еще рывок и настезь, заранее открытые ворота приняла в свое чрево испачканный свиноподобно внедорожник. Юзом, с блокировкой всех колес, свистом тормозных колодок, как винтовочный выстрел, прозвучавший в ночной тишине, профессор сумел изящно припарковать машину между красного цвета «Запорожцем» и покосившемся от неухоженности хлебом для содержания домашнего скота.

– Мастерство уровня трофи-рейда «Париж – Дакар». Ух-ма, классно, отвел душеньку! Вылазь Саня, приехали, – ткнув локтем в бок пассажира, Взмылин первым выбрался из автомобиля.

– Как добрались, без приключений? – подоспевший к гостям человек включил старой модели фонарь стрелочника, посветил в лицо каждому и поспешно закрывая ворота, замкнул их на перекладину, больше напоминающую бревно. Откинул с головы капюшон дождевика и уже не торопясь, приблизившись, скромно представился, – Михаил Кордон, смотритель границы и по совместительству кладбищенский сторож.

– Приятно знакомиться лишь с одним из аспектов вашей многопрофильности. На погост пока не собираемся. Да Саня? – смеющейся Взмылин устало присел на скамью у входа в хату, – Игорь нас заждался, наверное. Когда выдвинемся?

– Как рассветет, так и тронемся в путь, – деловито срезав слой прилипшей глины с сапог об угол порога, Кордон подошел к Сане, не знавшему чем занять себя, и протянул для приветствия руку, – уважьте мой интерес, пожалуйста, за чем пожаловали к Игореше Клинописцу? Спросил не ради праздного любопытства, поговорить иногда возникает желание с умными

людьми. Мне кажется, вы таковыми и являетесь, раз инкогнито пожаловали в такую даль. С местными же не посудачишь на отвлеченные темы, им подавай лишь, сколько поросят родилось у кумы, да прогнозы на урожай огурцов. А хочется и о политике, и об науке порассуждать, пополемизировать так сказать, развязать ожесточенную дискуссию. Я у них вроде как вместо сельского политолога, своего рода здоровая оппозиция. Склоняют, конечно, мою фамилию на разные лады, подгоняют под нехорошую рифму, да не обижаюсь, что с них взять, темные люди, необразованные.

Саня приготовился выложить как на духу цель и задачи путешествия, но недремлющий Взмылин сразу пресек попытку разглашения тайны, обескуражив Мишу встречным вопросом:

– Простите, что вмешиваюсь, быть на Украине и подружившись с апологетом эскапидирующей деревенской интеллигенции, к тому же являющимся служителем кладбища хотелось бы несколько мистических историй услышать? У вас их должно быть немалое число?

Встрепенувшись от обилия новых и приятных слов, Кордон, не задумываясь решил следовать за мыслью профессора, сообразно и толково отвечать при необходимости на заданные вызовы:

– Как нет, полно, пригоршней черпай, только бы не обмишулиться, пока вспоминаю. Да вот, совсем недавно, с месяц назад, не более, случилось событие, как вы и просили, на кладбище и даже очень сверхъестественное. Наслышаны ведь, что в старину, самоубийц, ведьм, магов, лицедеев и прочих нехристей хоронили за оградой территории, где упокоены тела добропорядочных граждан. У нас такая нечисть тоже была, правда похоронена в незапамятные времена, может еще до Катыки, кто его знает. Ну и значит, могилки уже не видно, сравнялась с землей, ладошкой проведи – не отличишь. А выдавал место надгробный камень, небольшой такой, с метр, в виде змеи, ползущей вверх по дереву, огромная тварь была, судя по размерам головы. Изображение уже и цвет потеряло, и форму, не разберешь без пригляда, но надпись выделялась отчетливо, хоть днем, а самое страшное – ночью. Идешь по дозору вечером, проверить, не пакостит ли кто худой, а надгробие светится зеленоватым сиянием, будто фосфором намазано и тянет обязательно поближе посмотреть. Мне что, знаем бесовские дела, рассчитанные на бздунув, да безвольных, поэтому поворачиваю загодя, занимаюсь дальше своими делами. Утром веселее как-то прохаживаться около проклятого места. Буквы рассмотрел внимательно, скажу я вам, язык не наш, и на иероглифы непохожи. Специально у деда Панасия просиживал целыми днями, даже на границу не бегал. Он еще в перестройку сельскую библиотеку умыкнул, председательствовал тогда в колхозе, теперь бабки книгоцеем прозвали, второй после меня по стяжательству ума. Меня не поддерживает в политических убеждениях, но за самогон выслушать горазд, бывает войдем в раж при обсуждении его шатких нонконформистских позиций, так и бегаю домой до глубокой ночи, пока не вылакаем недельный запас.

Кордон исподлобья мельком взглянул на Взмылина. Оценил заезжий умник подачу или не проняло? Медленно опустился на скамеечку рядом с профессором и спохватившись продолжил:

– Слова-то, высеченные на памятнике, сияли сколько себя помню. Молодежь поначалу повадилась селфи с ними делать, опять же иностранное выражение, есть же понятный заменитель и на русском языке. Чем, например, автомордovorот не устраивает? Бог с ними. Приволокли однажды новый смартфон Айфен 13, это который с функцией укладки волос. Фоткались полдня, и так и сяк выкобенивались, тьфу, срамота, смотреть стыдно, а проверили снимки, оказалось отсутствует надгробие, будто и не было его там, трава и деревья – пожалуйста, а камня нема. Из ребят, кто в обнимку с ним фотографировался один уже в земле сырой лежит. Эх-эх, жалко мальчика! К чему я веду разговор, дальше череда необъяснимых явлений приключилась. Заприметил я как-то при обходе кладбища, что не светятся больше словеса, на ночь глядя не рискнул подходить, а с утра, когда к границе собрался, решил проведать. Что вы думаете, могила разрыта, памятника не видно, а вокруг трава примята хитро, да березы

сломаны на одном уровне, и так аккуратненько сложены в форме какого-то знака, трухлявые щепы гроба раскиданы по округе, костей тоже не видно. Участковый протокол составил о незаконном вскрытии захоронения и был таков. Только мне сразу не понравилась версия о черных гробокопателях, пласты земли выворочены-то изнутри, два дня с Панасием потратили на выяснение, он за любую блуду, лишь бы дома не сидеть. Дерн рулоном свернут, сверху так не получится скрутить, тем более с кантом глины. Как это понять? То-то же, дилемма. Но вопросы на этом не кончились. Еду на лисапед с работы как-то, до границы же недалеко, ну и решил проведать кладбище, какие-никакие, а все же деньги. Кручу верчу педали, а как мимо стал проезжать гиблой могилки, так на ровном месте и навернулся через руль. Ни булыжников, ни косогорья здесь отродясь не было, а получилось, как будто об стену ударился. Лежу себе, бока натираю, здорово шлепнулся. И вот тут самое интересное увидел, ворона, черная, размером с большого поросенка прохаживается среди развороченной пустоши, роется в мусоре, ищет типа потерю. Важная вся, неторопливо ставит лапы, клювом поддевает траву и дальше перескакивает вдоль бруствера. Потом поднялась на ближайший куст и принялась басовито каркать. Как смех из преисподней, залиvisto гавкающий, какой-то собачий; бывает такое выражение морды сторожевого пса, злое и безумное, непременно оттяпать руку или ногу, покусившемся на охраняемый участок, оскал чудовищной и жуткой кончины. Страх обуял меня тогда несусветный, чресла не слушаются, слышу только учащенное биение своего сердца и стиснутое дыхание в груди. Видимо я очень впечатлительный, отрубился сразу, лишился сознания, а когда очнулся, то вороны уже улетела, хотя смею предположить, с таким весом лучше передвигаться по матушке земле. Моего двухколесного друга не тронула и на том спасибо.

– Пропал получается памятник и, если ворона его искала, соответственно и она не при делах? Кому же он мог тогда понадобиться и зачем? – Саня ласково провел по ушастому обтекателю воздухозаборника «Запорожца», – с любовью делали, от души.

– Мистика и неразгаданная тайна века. Деревенские поговаривают, что видели ту ворону и не единожды, шлялась около кладбищенских ворот какое-то время, потом исчезла, – вытянув ноги, Миша нашарил в кармане скомканную пачку папирос, предложил Взмылину угоститься.

– М-да, интересный рассказ. Благодарю, я не курю. Извините, а почему Игорь Клинописец? Любопытное для этих мест прозвище, – профессор сменил тему беседы, предвкушая услышать увлекательную, связанную с археологией сплетню.

Столько внимания к своей персоне Кордон никогда не видывал, поэтому несказанно обрадовался предоставившемуся шансу проявить недюжинные способности в ораторском искусстве:

– К древним и уважаемым от того шумерам, кличка никакого отношения не имеет, прозаичнее намного сея подоплека. Во время проведения, так называемой антитеррористической операции... Помните эту учиненную тогдашними правителями кровавую галиматью? ...Игореша служил в националистическом батальоне «Алдар Хосе». Кто уж из учредителей этого бандформирования придумал такое пафосное название, к сожалению остается до сих пор невыясненной загадкой. Мы, дети Советского Союза еще помним смекалку и находчивость мультяшного героя, а современное поколение уже навряд ли даст историческую оценку юмору организатора радикальной шайки, подумают, что это какой-нибудь сподвижник легендарного Че Гевары. В общем, напившись до беспамьятства отобранной у местного населения горилки, отважные воины решились на вылазку в стан врага. Слово за слово, подбадривая себя и подматериваясь, поползли к траншее противника. Только вот взыгравший в организме алкоголь сыграл с ними злую шутку, вляпались молодчики по целые еще уши в собственные минные поля. Как не прискорбно звучит, но оторвало нашему Игорьку мужское достоинство по самый корень. Хирурги вытворяли чудеса, сутки без перерыва на обед пришивали колбасу на место, хорошо, что друзья его собутыльники деру не дали как обычно, а вынесли раненого вместе с куском животрепещущей плоти. Повезло, однако, и здесь, балда оказалась почти целой, без

повреждений и рухнула после отчленения осколком прямо на спину их командира. Понятно, что трухнул он малость, позже остальных, оставшихся в живых, пришел с поля боя, но ведь принес, рассказывал потом, мол принял упавшую барабульку за неразорвавшуюся мину, а оно видишь, как счастливо обернулось. В Киевском центральном госпитале подправили малехо, конечно, все-таки не палец штопать, но в туалет ходить отныне стал двумя струями, клином, так сказать, отсюда и прозвище. Вы уж ему про дефект не намекайте, пожалуйста, лют на расправу, прибьет и разбираться не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.